

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. чет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. говорара,
считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 Января.

СОДЕРЖАНІЕ: По поводу собранія Р. Т. О-ва.—Къ назначенію новаго управляющаго Моск. театр. Бюро.—Отъ великаго до жалкаго (продолженіе). *Ив. Иванова*.—Юбилей М. Г. Савиной.—Хроника театра и искусства.—Письмо въ редакцію. *Рахманова*.—Чародѣйка русской сцены (окончаніе). *Ив. Щелова*.—Музыкальныя замѣтки. *Б. М. Соловьева*.—Режиссерскій отдѣлъ. (Подъ редакціей *Ю. Э. Озаровскаго*).—Угасшій звукъ (окончаніе). *В. Сентлова*.—За границею.—Провинціальная лѣтопись.—Справочный отдѣлъ.—Объявленія.

№ 4.

Рисунки: «Макбетъ» 5 рис. (*Н. А. Суволова, С. Панова и С. С. Соломки*).—Адресъ Театр. О-ва, поднесенный М. Г. Савиной.—Автографы подписей на адресѣ.—М. Г. Савина у себя дома.—«Провинціалка». (Набросокъ *Н. И. Кравченко*).—Фототипія съ акварели *Н. И. Кравченко*: «М. Г. Савина» (только для подписчиковъ).

Портреты: Хохлова (3 портр.), Людвигова и Максимова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(четвертый годъ изданія).

Съ 1900 г. мы вводимъ новое приложеніе:

12 выпусковъ, отъ одного до двухъ листовъ каждый, „Библиотеки“, въ которой будутъ помѣщаться наиболѣе объемистыя статьи. Выпуски будутъ печататься въ обыкновенномъ книжномъ форматѣ и, по истеченіи года, составлять компактный томъ. Кромѣ того, будетъ увеличено число нотныхъ приложеній. Въ общемъ, читатели получатъ:

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библиотеки.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

Не смотря на такое значительное расширеніе журнала, подписная цѣна остается прежняя, т. е.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Отъ редакціи.

Къ слѣдующему № будетъ приложена комедія П. М. Невѣжина. „Неугомонная“.

С.-Петербургъ, 23 января.

Общее собраніе членовъ Театрального Общества, состоявшееся 16 января, по значенію своему принадлежитъ къ самымъ серьезнымъ въ послѣднее время. На немъ разрѣшены два вопроса: во-первыхъ о созывѣ въ Москвѣ экстреннаго собранія нынѣшнимъ постомъ взамѣнъ не подготовленнаго Съѣзда, и во-вторыхъ, объ открытіи срочной операциі. Созывъ экстреннаго собранія въ Москвѣ имѣетъ цѣлю выслушать голосъ театральной провинціи по вопросамъ о существенныхъ задачахъ театральной реформы и воспользоваться работами членовъ провинціальныхъ группъ въ подготовительныхъ коммисіяхъ. Главнѣйшее затрудненіе представляетъ вопросъ объ учрежденіи корпорациі сценическихъ дѣятелей и объ отношеніи послѣдней къ Театральному Обществу. Въ самомъ принципиальномъ смыслѣ, существуютъ различные взгляды на будущую корпорацию. Одни въ ней видятъ какъ бы «Пантеонъ» лучшихъ и достойнѣйшихъ сценическихъ дѣятелей, своего рода Академію актеровъ, куда доступъ долженъ разрѣшаться лишь за дѣйствительныя заслуги, причемъ эта корпорациія играетъ роль «синедріона» старѣйшинъ. Взглядъ, въ которомъ много аристократизма, но едва ли много толку. Второй взглядъ стремится видѣть—и совершенно правильно—въ корпорациі союзъ всѣхъ актеровъ профессиональныхъ тружениковъ, не опорочившихъ своего добраго имени. Но даже и въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ не малое затрудненіе, какъ учредить корпорацию, кто будетъ въ ней первыми учредителями, и что такое «сценическій дѣятель», о которомъ такъ много говорится и въ проектѣ новаго устава Театрального Общества, и въ проектѣ Корпорациі.

Довольно вѣрное, по крайней мѣрѣ, практически, опредѣленіе понятія «сценическаго дѣятеля» сдѣлало общее собраніе 16 января по вопросу объ открытіи ссудной операциі. Разъяснено, что ссудами имѣютъ право пользоваться только актеры—члены Театрального Общества, а также тѣ разновидности сценическихъ дѣятелей, которые посвящаютъ себя ближайшимъ образомъ высшимъ родамъ техники театральнаго дѣла, какъ декораторы, режиссеры, сценаріусы и т. д.

Все это, однако, показываетъ, что прежде, чѣмъ сочинять окончательные уставы, театральные дѣятели должны хорошенько надъ всѣмъ поразмыслить. Торопиться незачѣмъ. Предсѣдатель Совѣта В. С. Кривенко, со свойственной ему благородною откровенностью, замѣтилъ, что вопросы внутреннихъ бытовыхъ реформъ онъ поставилъ на второй планъ, устремивъ главное вниманіе на поднятіе матеріальнаго и нравственнаго значенія Театрального Общества. Заявленіе 31 члена о созывѣ Съѣзда, очевидно, должно послужить поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности Совѣта, направивъ его труды и старанія на путь бытовыхъ реформъ, которыхъ съ нетерпѣніемъ дожидается провинціальный театръ. И можно отъ всей души пожелать, чтобы на предстоящее экстренное собраніе въ Москвѣ собрались наиболѣе энергичные и дѣятельные представители, провинціальной сцены и положили прочное основаніе задуманнымъ реформамъ. Общее собраніе созывается не для праздныхъ разговоровъ, но для дѣйствительнаго дѣла. У собранія 16 января хватило такта отвергнуть предложеніе о созывѣ *идеологическаго* собранія, которое могло бы внести смуту въ неокрѣпшее еще дѣло обновленія всего строя театральнаго самоуправленія и самопомощи. Это—отрадный признакъ зрѣлости мысли, которая наблюдается среди сценическихъ дѣятелей.

На наше предложеніе голосовать по труппамъ—вопросъ о назначеніи новаго управляющаго театральнымъ бюро на мѣсто покойнаго А. А. Фаддѣева (№ 2), нами получены пока слѣдующія сообщенія:

Группа Каменецъ-Подольскаго товарищества подъ управ. В. Любова въ составѣ 24 человекъ произвела голосованіе 15 января, давшее слѣдующіе результаты:

Изъ 24 человекъ—двадцать два (22) подали за *Петра Александровича Волховскаго-Попова*, какъ за человека болѣе всѣхъ подходящаго для веденія дѣла.

Обязанности управляющаго *московскимъ* театральнымъ бюро чрезвычайно сложны и трудны. Здѣсь мало одной безукоризненной честности, которою отличаются гг. Волховскіе, Борисовы, Гуляевы и т. п. Въѣдъ говоря правду, это все люди усталые отъ своей многолѣтней сценической службы, опустившіеся, отяжелѣвшіе,—люди, благословляющие судьбу за тѣ дни, когда они свободны отъ спектакля. Конечно, для такихъ сценическихъ дѣятелей мѣсто управляющаго театральнымъ бюро—находка: здѣсь усиленной работы только два мѣсяца Великаго поста, когда бываетъ сѣздъ актеровъ и антрепренеровъ въ Москву, когда заключаются ангажементы, когда бываетъ горячка спроса и предложенія, когда И. О. Пальминъ бѣгаетъ по заламъ бюро, какъ угорѣлый, а у писцовъ деревенютъ пальцы отъ непосильной работы. Но развѣ это все? Если вѣзвѣдущій бюро неэнергиченъ, онъ упуститъ изъ рукъ выгодныя операциі; если не знакомъ съ провинціальными силами актеровъ, онъ, зачастую, дѣлаетъ непростительныя ошибки, рекомендуя на извѣстное амплу какаго-нибудь актера, совсѣмъ не зная его способностей, или зная ихъ «по слухамъ». А всѣмъ извѣстно, какъ правдивы бываютъ эти слухи... Какое же довѣріе можетъ быть въ данномъ случаѣ?

Всѣмъ естественно, что сдѣлки совершаются помощью бюро, на основаніи тѣхъ же «слуховъ», которые собираетъ уже самъ антрепренеръ или распорядитель товарищества отъ сослуживцевъ приглашаемаго имъ актера, а бюро служитъ только мѣстомъ для встрѣчъ антрепренера съ актеромъ.

Если же во главѣ дѣла будетъ стоять человекъ энергичный, понимающій, онъ въ скоромъ времени сдѣлается душою учрежденія и будетъ пользоваться необходимымъ авторитетомъ, а операциі бюро увеличатся,—резономъ его упорчivosti.

Чтобы пріобрѣсти знаніе и опытность, необходимо, по моему мнѣнію, поставить въ обяванность управляющему бюро

въ болѣе свободное время (между 15 октября и 15 декабря), когда ангажементы заключены и сезонъ вездѣ начался, совершать ежегодно турнѣ по провинціальнымъ городамъ и смотрѣть драматическія труппы, бывая въ каждомъ театрѣ по нѣсколько спектаклей, чтобы познакомиться воочию съ наличными силами актеровъ. Тогда на вопросы: каковъ актеръ такой-то? можно-ли его взять—не будетъ отвѣтовъ, вродѣ: «не знаемъ», «слышали, что не дурной», «говорятъ, что хорошій», и т. д. Средства на это путешествіе нужны небольшія—рублей 600 не болѣе.

Кого указать кандидатомъ?

Я бы предложилъ всѣмъ уважаемаго и безукоризненнаго честнаго В. В. Чарскаго, но вѣдь и онъ такой-же усталый.

Съ Я. И. Шмитовымъ я встрѣтился послѣдній разъ лѣтъ десять тому назадъ. Тогда это былъ «энергичный», полный жизни и инициативы человекъ; если онъ такимъ же и остался—лучшаго представителя Бюро и искать нечего.

Рига.

Вл. Ильковъ.

Я вполне присоединяюсь къ предложенію артиста Маркова, обращенному къ Совѣту Общества съ просьбой дать возможность всѣмъ провинціальнымъ актерамъ и антрепренерамъ подать свой голосъ, т. е. выбрать новаго управляющаго, такъ сказать всеобщимъ голосованіемъ. Я нахожу такой способъ избранія единственно рациональнымъ и очень желательнымъ, какъ въ отношеніи театальной провинціи, такъ и въ отношеніи самого Бюро. Управляющій Бюро, помимо его нравственныхъ качествъ, безпристрастія, справедливости и т. п., долженъ обладать всестороннимъ знаніемъ театральнаго дѣла въ провинціи, знаніемъ актеровъ и особенностей ихъ дарованія.

Всѣмъ этимъ необходимымъ требованіямъ по моему мнѣнію совершенно удовлетворяетъ нынѣшній дѣлопроизводитель Бюро Иванъ Осиповичъ Пальминъ. Кто имѣлъ съ нимъ дѣло, навѣрное согласится со мною, что трудно найти болѣе энергичнаго, неутомимаго и разумнаго труженика, обладающаго при этомъ грохадной памятью и съ такимъ ровнымъ выдержаннымъ характеромъ. Отъ добра—добра не ищутъ.

Вотъ почему я рѣшаюсь подать свой голосъ за Ивана Осиповича Пальмина.

Воронежъ.

А. А. Линтваревъ.

Управляющимъ Московскимъ Бюро Театрального Общества назначается, какъ мы слышали, П. А. Волховской.

Отъ великаго до жадкаго.

IV.

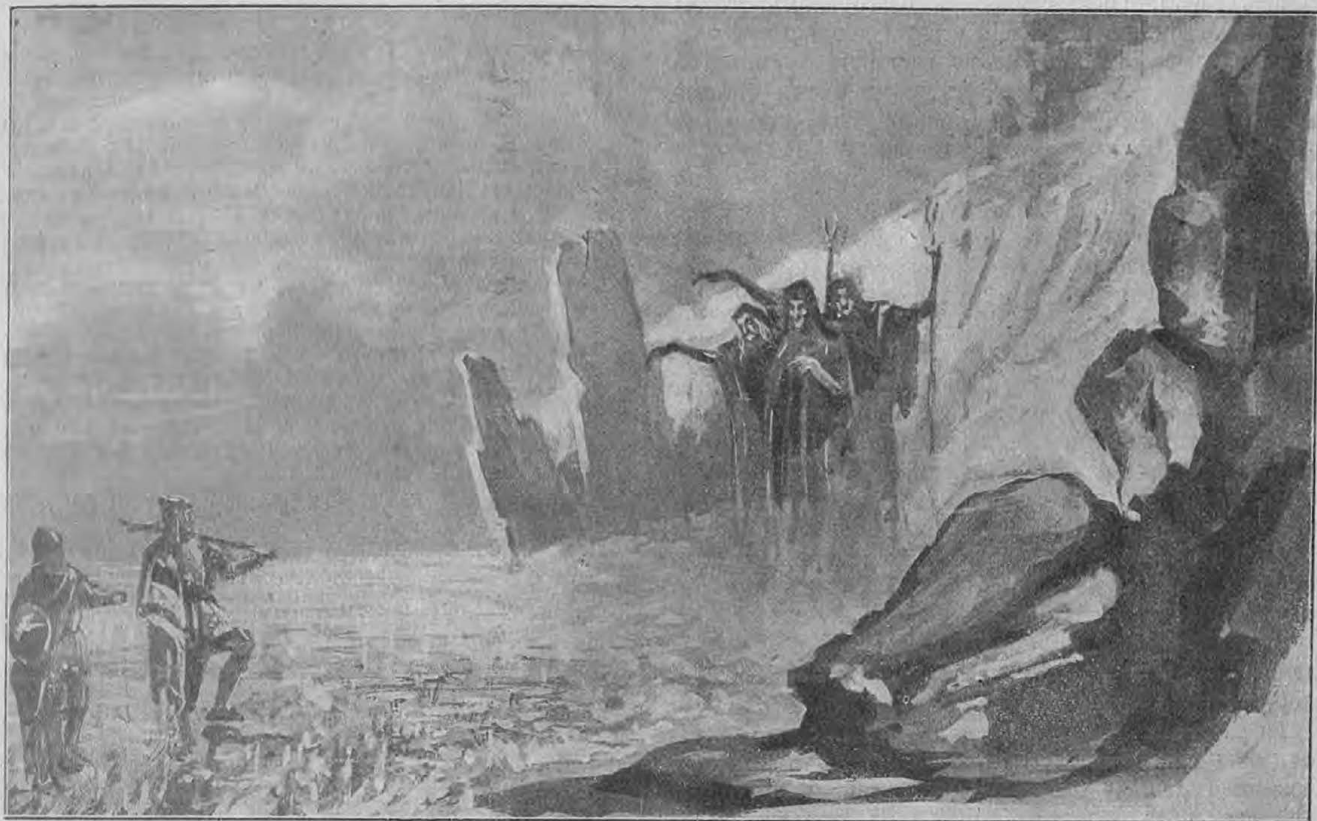
(Продолженіе *).

Самъ по себѣ, Ницше оказался скорѣе жертвой, чѣмъ героемъ драмы. Судьбу эту можно было предвидѣть съ самаго начала. Философъ всѣми силами своего ума, всей своей натурой разрѣшалъ грубую дилемму: остаться съ людьми, значить отречься отъ своей личности, уподобиться подавляющему большинству посредственностей и уродцевъ,—уйти отъ людей—осудить себя на безысходную нравственную аговію. „Не добро быть человеку одному“,—всю горечь этой библейской истины Ницше испылъ до дна,—и безуміе только завершило многолѣтнія жгучія страданія разбитой души.

„Сверхъ-человѣкъ“, разумѣется, могъ сыграть чрезвычайно эффектную, даже величественную, роль въ родѣ Манфреда на скалѣ. Словеснаго таланта у него волюй достаточно, разочарованій и гнѣва у него—изгнанника всего человѣчества—несравненно болѣе, чѣмъ у поэта—изгнанника однихъ великобританскихъ острововъ. Но нѣтъ одного—сколько бы овъ ни старался говорить жестокихъ словъ—нѣтъ искренней прочувствованной ненависти къ людямъ, нѣтъ даже равнодушія къ нимъ. Онъ всякую минуту представляетъ себя только по отношенію къ другимъ, волнуется и впадаетъ въ отчаяніе все изъ-за нихъ же, маленькихъ, безличныхъ и безвольныхъ созданій. Онъ усиливается увѣрить насъ, что и не думаетъ сѣтовать на свое одиночество, что онъ вполне счаст-

* См. №№ 1 и 2.

«МАКБЕТЪ» на сценѣ театра Литературно-Художественнаго Общества.

«Прорицаніе вѣдьмъ».

[Рис. И. А. Суворова.

ливъ съ своими грезами и мыслями, но чѣмъ энергичнѣ увѣренія, тѣмъ ярче представляется одинъ изъ драматическихъ моментовъ, какіе только намъ приходилось видѣть на сценѣ. Это былъ Росси въ роли короля Лира, и это была послѣдняя сцена съ дочерьми.

Она вся—потрясающій аккордъ трагической тоски, отнынѣ спутницы Лира до самой смерти. У короля накипаютъ слезы, грудь щемитъ невыносимой болью, но развѣ онъ можетъ заплакать,—онъ и въ послѣднемъ униженіи *король!*.. А между тѣмъ, онъ говорить о слезахъ и говорить потому, что онъ появились на его глазахъ, ихъ видятъ обидчицы и царедворцы. И эта мысль будто молнія пронзаетъ мозгъ Лира, онъ подбѣгаетъ къ одной изъ дочерей и указывая на свои глаза, кричитъ ей: „А! вы думаете—я плачу,—

No, non piango!..

И надо было слышать какъ звучали эти слова. Въ нихъ артистъ умѣлъ заключить весь потрясающій ужасъ судьбы великаго и гордаго человѣка, готоваго сломиться подъ несказанно-жестокимъ бременемъ людской обиды и бросающаго въ лицо врагамъ невольный стонъ надломленной души.

Вотъ такой именно стонъ слышится безпрестанно и въ рѣчахъ Ницше. Онъ часто переходитъ въ жалобы—страстные и горькія,—и проходитъ не одно мгновеніе раньше, чѣмъ надменный сверхъ-человѣкъ успѣваетъ опомниться, придать своему голосу твердый звенящій звукъ и рѣшительно оттолкнуть отъ себя соблазнительные образы жалкой земли.

Въ эти мгновенія онъ самъ жалокъ,—и не скрываетъ своей жалости. „Увы, восклицаетъ онъ,—вы не знаете что такое одиночество“. И никто его не знаетъ, даже если противъ человѣка цѣлый міръ,—онъ не одинъ, если только у него есть нѣсколько вѣрныхъ друзей. У Ницше ихъ не было. Онъ чувствовалъ себя заключеннымъ въ неразрывную сътъ недоразумѣній, ошибочныхъ толкованій и предполо-

женій,—и чѣмъ искреннѣ онъ выражалъ свои мысли, тѣмъ безнадежнѣ запутывалъ чужія мнѣнія о себѣ. Тогда онъ непреодолимо впадалъ въ раздраженіе,—и наносилъ яростные удары всей окружающей жизни.

Намъ легка теперь эта драма. Въ ней нѣтъ героизма въ общей формѣ, нѣтъ даже особенной душевной силы. Человѣкъ бѣжитъ изъ ненавистнаго царства пигмеевъ, издала плетъ ему презрѣніе и проклятія. Это не значитъ бороться. И Ницше не чувствовалъ себя борцомъ. Его безупречная свѣтскость, то, что на банальномъ языкѣ именуется воспитанностью имѣетъ большое сходство просто съ робостью. Ницше *никогда* среди ничтожествъ и бездарностей не возвышалъ своего карающаго голоса. Богатырь у себя въ кабинетѣ—онъ надѣвалъ маску карлика въ компаніи съ пигмеями. Овъ самъ безпрестанно говорить объ этой маскѣ. Мы понимаемъ его психологію,—но врядъ ли кто, прочитавшій хотя бы одно произведеніе Ницше,—могъ ожидать подобной политики сверхъ-человѣка въ личномъ обиходѣ.

А между тѣмъ, Ницше былъ скромнѣе и воспитаннѣе не только въ качествѣ салоннаго собесѣдника,—онъ не осмѣливался, какъ профессоръ, подвигать руку на самыя безобразныя философскія устройства. Онъ, напримѣръ, въ Базелѣ, читая лекціи о недостаткѣ современнаго воспитанія,—не дерзнулъ представить публично свои реформаторскія соображенія. Общественное мнѣніе, какъ разъ представляемое самими посредственными изъ посредственностей, привело его въ оторопь.

Очевидно, философу надо было предварительно остаться одному, чтобы почувствовать отвагу. И онъ сторицей вознаграждалъ себя въ одиночествѣ за совершенно не героическій образъ дѣйствій на людяхъ.

Соберите всѣ эти черты, и предъ вами представитъ оригинальная фигура какого-то униженнаго и оскорбленнаго воителя. Разумѣется, война не принесетъ ему счастья и свѣта. Онъ слишкомъ *слабъ* и

убожественъ по природѣ, чтобы мужественно выносить одиночество изъ-за идеи. Онъ сражается сквозь слезы. Онъ слишкомъ благороденъ, чтобы подавить свои протестующія и возмущенныя чувства. Съ самимъ собой онъ не въ состояніи лукавить и пойти на компромиссъ,—и въ то же время онъ не настолько герой, не настолько *самодовольствъ себя*, чтобы рѣшительно, на глазахъ у васъ провести рѣдкую разграничительную черту между собой и остальнымъ міромъ. И ему невыносимо тяжело невольное отщепенство. Это въ полномъ смыслѣ страшное призваніе свыше, бремя, возложенное рокомъ, — неумолкаемый и непоражимый голосъ совѣсти.

И Ницше цѣлые годы истекаетъ кровью и слезами подъ тяжестью своей фатальной задачи, пока, наконецъ, не падаетъ окончательно жертвой безумія.

Такова жизненная, вполне реальная драма самого творца философіи одиночества. Она несомнѣнно сама по себѣ должна стать предметомъ художественнаго вдохновенія. Болѣе любопытную вариацию на тему о Прометѣѣ, въ концѣ XIX-го вѣка, — трудно представить. Мы не боимся произнести это имя рядомъ съ именемъ Ницше.

Античный полубогъ страдалъ, говорятъ, изъ-за любви къ людямъ — сознательной, самоотверженной,—Ницше на всѣ лады заявлялъ, что онъ не любить людей и до глубины души презираетъ толпу, считаетъ своей честью и славой — стоять отъ нея возможно дальше и ни единой чертой не походить на „средняго“ человѣка. Мало того, — онъ договорился даже до приношенія всѣхъ въ жертву одному... Повидимому, ни капли состраданія къ человѣчеству, о чемъ такъ громко взываетъ Прометей въ лицо самому Зевсу. И все-таки Ницше погибъ изъ-за этого состраданія. Его умъ разбился о его человѣческую природу. Уста произносили проповѣди Зороастра—надменные и воинственные,—а въ груди жила ненасытная тоска по человѣку,—и не было бы на землѣ болѣе этого счастья и болѣе красноречивыхъ гимновъ, чѣмъ счастье Зороастра, нашедшаго человѣка. Но человѣка не нашлось, — и Зороастръ умеръ—духовно—послѣ агоніи и отчаянія, превосходящихъ какія угодно муки физическаго самоубійства.

И умеръ изъ-за своей *человѣчности*, изъ-за своихъ слишкомъ тѣсныхъ естественныхъ узъ съ человѣческой природой, по существу социальной и общежителной. Толпа побѣдила—не сама по себѣ, не своими высшими нравственными качествами, а именно своей всеяческой бѣдностью, своей малостью, своей мучительной жаждой—свѣта и сна. Все это истерзало чуткую организацію философа и онъ тщетно призывалъ „малевыхъ“ людей стать великими, въ непосильномъ стремленіи — удалить изъ міра бѣдноту и малость.

Онъ не одинъ на своемъ пути,—другіе только иначе кончали,—не столь трагически, — но зато и не столь искренно и ясно.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Юбилей М. Г. Савиной.

Чествованіе М. Г. Савиной началось въ 7 ч. вечера съ момента появленія артистки за кулисами. Ее встрѣтила труппа съ г-жей Жулевой во главѣ. Въ уборной М. Г. привѣтствовала депутація отъ суфлеровъ и помощниковъ режиссеровъ. Г. Г. Поляковъ, Евгеньевъ, Рудиевъ, Палчинъ, Корневъ, Агафоновъ и Ларинъ. Депутація передаетъ юбиляршѣ очень изящный золотой жетонъ, на ониксовой крышкѣ котораго сдѣланъ бриллиантовый вѣнокъ, инициалы юбилярши и звѣзды, бросающія лучи на лавры.

При этомъ М. Е. Евгеньевъ сказалъ теплое и живое привѣтственное слово.

М. Г. Савина горячо благодарила депутацію.

Чествованіе при открытѣ занавѣсъ началось послѣ акта изъ „Волковъ и Овецъ“. Депутаціи окружили всю сцену. М. Г. Савина въ бѣломъ, совершенно гладкомъ платьѣ, вышла подъ руку съ П. М. Медвѣдевымъ, при дружныхъ аплодисментахъ депутацій. Режиссеръ г. Карповъ прочелъ слѣдующій адресъ:

Дорогая Марія Гавриловна! Весной 1874 года Вы первый разъ появились на сценѣ Императорскаго театра.

Прекрасная, юная, полная граціи, обаянія, тепла и свѣта, Вы заблестѣли яркимъ талантомъ, съ перваго же выхода, покорили силой могучаго, чуждаго дарованія публику, благоговѣйно, неизмѣнно любящую Васъ до сего дня.

Мы, свидѣтели Вашего неисчерпаемаго по обширности и неизмѣримаго по глубинѣ творчества, не беремся оцѣнивать громадность того значенія, которое Вы, Марія Гавриловна, имѣли въ развитіи русскаго театра. Эта честь принадлежит исторіи, но мы не можемъ не выразить нашего восторга и удивленія при воспоминаніи о той безконечной галлерей типовъ, которую создавали Вы съ изумительной художественной правдой, граціей, блескомъ, глубиной, проникновеніемъ въ сокровенные тайники сердца женщины, во всѣ изгибы ея души.

Передъ нами встаютъ образы, облеченные вами въ плоть и кровь... Какое поразительное разнообразіе! Какая тонкая, художественная работа!..

Насъ окружаютъ героини пьесъ Гоголя, Островскаго, Тургенева, Толстого, Потѣхина, Шекспира, Гете, Бомарше, Голдони, Лопе-де-Вега и многихъ другихъ. Мы слышимъ ихъ смѣхъ и рыданія, ихъ веселое щебетаніе, упреки, злословіе, злобу, негодованіе и нѣжныя рѣчи любви, мы видимъ скрытыя движенія ихъ женской души, мы живемъ вмѣстѣ съ ними!

Не скупясь, Вы изобильно разбрасывали искры Вашего дарованія, зажигая сердца людей.

Заставляя властью таланта переживать съ Вами вмѣстѣ людскія горести и радости, Вы воспитывали толпу, открывая ей новые пути, объясняя невѣдомыя, темныя движенія человѣческой души, заставляя людей преклоняться передъ красотой, истиной, свободой.

Театръ есть отраженіе жизни, и въ то же время—школа жизни.

Въ благотворномъ вліяніи таланта на душевный, нравственный и умственный складъ жизни и заключается великая заслуга таланта передъ человѣчествомъ, въ этомъ его безспорное право на поклоненіе, въ этомъ его право на безсмертіе!

Гордые сознаниемъ, что Вы, дорогая Марія Гавриловна, работали рука объ руку съ нами, что мы по мѣрѣ силъ помогали въ Вашей плодотворной работѣ на благо людей, преклоняясь предъ громадностью Вашего блестящаго таланта, мы провозглашаемъ:

Вѣчная слава великой русской артисткѣ!

Этотъ адресъ былъ вложенъ въ бюваръ, крышка котораго украшена серебрянымъ вѣнкомъ, съ вензелемъ М. Г. Савиной, а надъ нимъ сіяетъ серебряная Андреевская звѣзда. Такую же звѣзду, только бриллиантовую, поднесла М. Г. Савиной Е. Н. Жулева. Бриллиантовая Андреевская звѣзда (брошь) съ помѣщенной внутри ея цифрой XXV была приколата къ голубой шелковой лентѣ, охватывавшей подушку наъ розъ и гадюкѣ.

Послѣ Е. П. Карпова прочелъ интересную рѣчь Н. О. Сазоновъ. Приводимъ конецъ ея:

Сколько нервнаго напряженія, безсонныхъ ночей, мучительныхъ волненій вложили Вы въ свое творчество, объ этомъ знаемъ только мы, ваши товарищи. Мы знаемъ, сколько силъ уноситъ этотъ первый подъемъ, какой цѣной дается это вдохновеніе. Но взгляните на эту залу, на этотъ блескъ ума и талантъ, собравшейся здѣсь, чтобы привѣтствовать Васъ и сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и сомнѣнья,
Невзгоду и борьбу принесть онъ мнѣ съ собой,

Онъ мнѣ дарилъ за то и свѣтлыя
мгновенья,
Мгновенья радости великой и свя-
той!..

Русское Театральное Общество
привѣтствовало М. Г. Савину въ
слѣдующихъ выраженіяхъ:

Русское Театральное Общество при-
вѣтствуетъ Васъ, своего блестящаго,
богато одареннаго талантомъ сочлена,
съ радостнымъ днемъ серебрянаго юби-
лея и шлетъ пожеланіе въ будущемъ
также торжественно отпраздновать на-
шу золотую свадьбу съ театромъ.

Въ исторіи нашего Общества Вы
сыграли выдающуюся роль, оставили
замѣтный слѣдъ на всегда. Выбѣстъ съ
очень маленькимъ кружкомъ любителей
искусства, Вы дали жизнь Обществу
пособія нуждающимся сценическимъ
дѣтелямъ, которое выросло въплѣд-
ствии на Вашихъ глазахъ и при Вашемъ
непосредственномъ содѣйствіи, въ со-
временное Русское Театральное Обще-
ство, раскинувшееся на все государ-
ство и насчитывающее уже многія
сотни членовъ.

За все время существованія этихъ
учрежденій, Вы принимали самое дѣя-
тельное и сердечное участіе въ ихъ
постепенномъ развитіи, посвящая имъ
свои досуги, свои труды; хлопотали,
волновались, работали въ канцеляріи;
появлялись на сценѣ въ пользу об-
щества, приносили отраду въ убѣжище
артистовъ пансіонеровъ и вездѣ, при
всякомъ удобномъ случаѣ, старались
все болѣе и болѣе расправить крылья
Обществу.

Русское Театральное Общество съ
благодарностью отнеслось къ Вашей
общественной дѣятельности и избрало
Васъ своимъ почетнымъ членомъ.

Истинно товарищескія отношенія къ
необезпеченнымъ сценическимъ дѣте-
лямъ были по заслугамъ оцѣнены на
артистическомъ сѣздѣ въ Москвѣ.
Нельзя не вспомнить съ отраднымъ
чувствомъ о той трогательной минутѣ,
когда вы, въ своей сердечной теплой
рѣчи, сказали, что въ Петербургѣ жи-
ветъ «землячка» провинціальныхъ арти-
стовъ, никогда не забывающая своихъ
старыхъ товарищей, душевно имъ со-
чувствующая и всегда готовая ото-
зваться на ихъ оклики о помощи.
Тогда у многихъ навернулись на гла-
захъ слезы и зрительный залъ москов-
скаго Малаго театра огласился долго
не смолкшими, восторженными аппло-
дисментами, такими же дружными и
громкими, какіе раздаются сегодня на
Вашемъ юбилейномъ торжествѣ.

Будьте же здоровы! Будьте счаст-
ливы! Украшайте еще долгіе годы
нашу родную сцену и продолжайте
вашу работу на пользу Театральнаго
Общества.

Отъ Русскаго Литературнаго Об-
щества слѣдующій адресъ прочелъ
А. А. Потѣхинъ.

Въ торжественный для Васъ и зна-
менательный для русскаго искусства
день двадцатипятилѣтія служенія Ва-
шего дѣлу сценическаго воплощенія
образовъ, созданныхъ драматическою
литературою, Русское Литературное
Общество считаетъ своимъ радостнымъ
долгомъ привѣтствовать Васъ. Являясь
не только носительницею лучшихъ
завѣтовъ нашей сцены, но и создатель-
ницей своеобразныхъ приѣмовъ, испол-
ненныхъ вдумчивости и глубокаго по-
ниманія задачъ искусства, Вы, годами
благотворнаго труда, стяжали себѣ
право на признательное уваженіе рус-
скаго образованнаго общества и рус-
ской литературы—выразительницы его

ГЛУБОКОУВАЖАЕМАЯ Марія Гавриловна!

Русское Театральное Общество привѣтствуетъ
Васъ, своего блестящаго, богато одареннаго талан-
томъ сочлена, съ радостнымъ днемъ серебрянаго юби-
лея и шлетъ пожеланіе въ будущемъ также торжественно отпраздновать на-
шу золотую свадьбу съ театромъ.

Въ исторіи нашего Общества Вы сыграли вы-
дающуюся роль, оставили замѣтный слѣдъ на
всегда. Выбѣстъ съ очень маленькимъ кружкомъ
любителей искусства, Вы дали жизнь Обществу, по-
собія нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ, которое
выросло въплѣдствии на Вашихъ глазахъ и при Вашемъ
непосредственномъ содѣйствіи, въ современное Русское
Театральное Общество, раскинувшееся на все государ-
ство и насчитывающее уже многія сотни членовъ.

РУССКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО.

Ваше Крѣпкое Анатолій Мовчановъ

Вн. Нотаръ:

Н. Сергеевъ

Кн. Пониматьевъ

А. Гусевъ

В. Мухоморовъ

М. Гавриловъ

А. Тиньковъ

А. Ермаковъ

С. Мухоморовъ

С. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

М. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

А. Мухоморовъ

Адресъ Театральнаго Общества,
поднесенный М. Г. Савиной, и авто-
графы подписей.

нравственныхъ требованій. Вы слѣдовали завѣту великаго художника, обогатившаго русскую сцену безсмертными произведеніями. Вы говорили съ обществомъ живыми образами, которые, по словамъ Гоголя, какъ полные хозяева входятъ въ души людей, причемъ двери сердца раскрываются сами къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, что они взяты изъ Вашей природы.

Вашимъ неустаннымъ трудомъ, наблюдательностью, умѣньемъ подмѣтить и подчеркнуть нарождающихся типовъ общественной жизни, Вашимъ сердечнымъ пониманіемъ бытовыхъ чертъ народной жизни, Вы явили поучительный примѣръ отношенія артиста къ просвѣтителнымъ и правильнымъ задачамъ театра.

Вкладывая въ свое исполненіе всю душу и тонкій умъ Вашъ, Вы никогда не дѣлали его средствомъ доставленія развлеченія, но всегда обращали его въ способъ возбужденія въ зрителяхъ чувства глубокаго эстетическаго настроенія.

Пусть-же служите Вы еще много лѣтъ украшеніемъ и гордостью русской сцены и живымъ залогомъ его процвѣтанія.

Отъ Литер.-Художественнаго Общества (б. Лит.-арт. Кружокъ) читалъ адресъ г. Суворинъ. Приводимъ текстъ его.

«Марія Гавриловна! Сегодняшній день не для насъ однихъ прекрасный день. Онъ прекрасенъ и для всѣхъ русскихъ, видѣвшихъ васъ на сценѣ всегда бодрою, живою, яркою представительницею не только русскаго искусства, но и русской жизни. Мы не станемъ вспоминать вашей біографіи, подробностей вашей артистической жизни. Не станемъ перечислять всѣхъ тѣхъ роли, которыя вы играли и о которыхъ можно сказать, что имъ, пожалуй, и счета нѣтъ. Нечего говорить и о томъ, какой трудъ и какія артистическія силы необходимы для того, чтобы сохранить первенствующее значеніе на первой русской сценѣ: постоянно быть на виду у всѣхъ и быть интересной и блестящей, то заигывая зрителей веселостью и комизмомъ, освѣщеннымъ вашимъ чудеснымъ юморомъ, то вызывая слезы состраданія и любви къ людямъ, то тихое раздумье и мысли о смерти. Ваше исключительное качество, которымъ вы вѣсьею особенно дороги, которое проникаетъ всѣ ваши созданія, это — необыкновенно воспріимчивая русская душа, способная глубоко чувствовать и изображать всѣ изгибы женскаго сердца, всѣ особенности русской женщины, во всѣхъ ея состояніяхъ. Поэтому вы являетесь не только очаровательной представительницей русской сцены, но и представительницей цѣлаго поколѣнія русскихъ женщинъ въ ихъ освободительномъ движеніи, въ ихъ стремленіи къ свѣту и правдѣ. Что давала намъ драматическая литература иногда въ поэтическихъ краскахъ и образахъ, а иногда только эскизно, то вы воплощали въ живые, яркіе женскіе образы. Мы знаемъ цѣлую галерею женскихъ портретовъ, художественно созданныхъ вами. Своимъ вдохновеніемъ, своей чуткой наблюдательностью вы давали имъ столько жизненной правды и современности, что они выдвигались въ общественномъ сознаніи, какъ незабываемые типы, и въ этомъ смыслѣ ваша роль едва ли когда была оцѣнена по заслугамъ. Но вы сыграли эту роль превосходно и въ этомъ ваша не только артистическая, но даже историческая заслуга, какъ художника, проникающаго силою своего таланта въ тайны развитія и направленія женскихъ характеровъ.

Вотъ именно объ этой особенно дорогой чертѣ вашего дарованія мы хотѣли упомянуть въ этотъ прекрасный день вашего юбилея, вашего триумфа, въ день такой обильной дани благодарныхъ и горячихъ рукоплесканій, которыя несутся къ вамъ со всѣхъ сторонъ. Для насъ, для русскихъ, нѣтъ ничего лучше и выше русскаго таланта и вы это знаете и видите, и мы счастливы и вашимъ счастьемъ и нашимъ счастьемъ приѣтствовать васъ со всѣмъ множествомъ русскихъ людей въ этотъ день 25-лѣтія вашей славной службы русскому искусству.

Еще одно слово: Литературно-Художественное общество единогласно избрало васъ своимъ почетнымъ членомъ и полноситъ вамъ брилліантовый знакъ Общества».

Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ всѣхъ петербургскихъ труппъ, очень теплая рѣчь г. Самуся отъ кассы музыкальныхъ художниковъ, нѣсколько словъ отъ редакціи журнала „Театръ и Искусство“, подвешей М. Г. Савиной акварельный портретъ работы Н. И. Кравченко. врученный самимъ художникомъ, отъ московскаго Малаго театра золотой вѣнокъ, за отсутствіемъ же депутата (хотя, какъ говорятъ, г-жа Лешковская и была въ театрѣ), произвѣсъ привѣтствіе Ф. П. Горевъ, отъ Московскаго Художественнаго Общедоступнаго театра, театра Корша, Общества драматическихъ писателей (гг. Потѣхинъ, Невѣжинъ, Крыловъ), всѣхъ частныхъ петербургскихъ театровъ, театровъ петербургскаго попечительства трезвости, отъ илотниковъ, подвешихъ кусокъ пола Александринскаго театра, въ видѣ плато, которое М. Г. Савина благоговѣнно поцѣловала. Серебряные вѣнки были отъ труппы Соловцова, Сяньельникова, лавровые отъ виленской труппы, причемъ г-жа Комиссаржевская, вручая вѣнокъ, со страшною сухостью скакала нѣсколько официальныхъ словъ.

Телеграммы прислали очень многія провинціальныя труппы:

Самарская, архангельская, воронежская, житомирская, костромская, тифлисская оперная, николаевская, псковская, таганрогская, ростовская, нижегородская, кременчугская, кievская, псковская, малороссійскія и мн. др.

Изъ частныхъ лицъ прислали телеграммы:

Глазуновъ, Глама-Мещерская, режиссеръ польской труппы въ Варшавѣ, Шимановскій, ред. журнала «Рус. Мысль», Погожевъ, Карабчевскій, Альма Нильская, Адельгеймъ, Бахрушины, Недѣлинъ, Форкатти, Сабурова, Андреевъ, Опочининъ, русскіе берлинцы, Шпажинскій, Самойловъ, Песоцкій, Ильковъ, Измайлова, Романовская, Соколовъ, Волгина, Фаддѣева, Волховской, Иссарова, Томскій, Кривская, Чинаровъ, Башинская, Киселевскіе, А. А. Соколовъ, Аверкиевъ, Луговой, Шапиръ, Персіанова, Николаевъ, Злачевская, Туруновъ, Бертенсонъ, Шубиненко, Вульфъ.

Г-жа Ермолова прислала слѣдующую телеграмму:

Привѣтствую славную артистку и дорогаго товарища въ день ея двадцатипятилѣтняго юбилея служенія искусству; будьте счастливы на долгіе годы.

Наконецъ, приведемъ списокъ подарковъ, впрочемъ, далеко не полный:

- 1) Золотой браслетъ съ тремя сапфирами кабошонами.
- 2) Булавку съ тремя крупными брилліантами.
- 3) Золотой браслетъ въ видѣ цѣпи, каждое звено которой украшено драгоценнымъ камнемъ.
- 4) Жетоны съ драгоценными камнями отъ Литературно-Художественнаго Общества.
- 5) Большой стягъ, шелковый изъ Берлина, отъ русской колоніи.
- 6) Картину масляными красками, работы Г. И. Кондратенко, изображающую Александринскій театръ.
- 7) Акварельный портретъ Н. И. Кравченко.
- 8) Ларецъ севрскій съ медальономъ.
- 9) Украшенный брилліантами карандашъ.
- 10) Голубой атласный бюваръ.
- 11) Ящикъ съ серебряными вѣшами.
- 12) Серги яхонтовья съ брилліантами.
- 13) Серебряный рогъ изобилия съ цѣпью.
- 14) Брилліантовый медальонъ.
- 15) Двѣ маюликовыя вазочки.
- 16) Бюваръ серебряный отъ И. В. Шпажинскаго.
- 17) Роскошный альбомъ-бюваръ отъ декораторовъ дирекціи, съ акварелями всѣхъ 16 художниковъ.

ХРОНИКА театра и искусства.

19-го января Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна въ августѣйшія Особы присутствовали въ Мариинскомъ театрѣ на бенефисномъ спектаклѣ М. Г. Савиной. Въ началѣ девятаго часа прибыли Ихъ Величества въ Царскую ложу. Въ одинъ изъ антрактовъ бенефисанта М. Г. Савина была приглашена въ Императорскую ложу, и Ихъ Величества обласкали артистку милостивыми словами и пожеланіемъ подарка. Кромѣ того, на спектаклѣ присутствовали: ея королевское высочество принцесса Александра Гогенлоэ-Лаугенбургъ съ супругомъ и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Владиміръ Александровичъ съ августѣйшей супругой Великой Княгиней Маріей Павловной, Кирилъ Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Великая Княжна Елена Владиміровна, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ съ августѣйшей супругой Великой Княгиней Елисаветой Мавриковной, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Сергій Михайловичъ, принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе и ихъ высочества герцоги Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе.

Московскія газеты сообщаютъ слухъ о томъ, что въ будущемъ сезонѣ предполагается уменьшить оклады нѣкоторымъ выдающимся артистамъ Малаго театра.

Г. Бессель предложилъ Совѣту Театральнаго Общества принять на себя представительство музыкальныхъ авторовъ.

Драматическое товарищество г. Борода, по слухамъ, на весну снимаетъ помѣщеніе московскаго Художественно-Общедоступнаго театра.

В. Л. Людвиговъ.

(Къ 25-лѣтнему юбилею 23 января).

Намъ пишутъ изъ Харькова. Всѣ артисты нашей драматической труппы пожертвовали въ пользу Русскаго Театральнаго Общества дневной заработокъ, кромѣ сбора, пожертвованнаго г-жей Дюковой. Шла «Честь». Послѣ спектакля были танцы. Главнымъ распорядителемъ былъ г. Людвиговъ. Г. Тихонову, бывшему преподавателю Харьковскаго Музыкальнаго училища, разрѣшены музыкальные классы съ программой мѣстнаго училища.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Теперь окончательно опредѣлились послѣдніе бенефисы въ Маломъ театрѣ: М. Н. Ермолова, бенефисъ которой 25-го января, ставитъ «Мѣсяцъ въ деревнѣ» Тургенева. Эта прелестная комедія не шла въ Москвѣ очень давно. Въ послѣдній разъ возобновили се театръ Корша, шесть лѣтъ назадъ, чтобы почтить десятилѣтніе кончины И. С. Но почтена была память великаго русскаго романиста очень убого; пьеса поставлена какъ-то «между прочимъ», наспѣхъ, при нетвердомъ знаніи ролей, съ мало-удачнымъ ихъ распредѣленіемъ, и пьеса, полная правды и поэзіи, показалась скучною. Съ тѣхъ поръ «Мѣсяцъ въ деревнѣ» не возобновлялся. Въ прошломъ году думалъ-было поставить его Художественно-Общедоступный театръ, но раздумалъ, кажется—изъ-за отсутствія надежной Вѣрочки. Въ Маломъ театрѣ всѣмъ почти главнымъ ролямъ обезпечено прекрасное исполненіе, благодаря участію бенефициантки, Ленскаго, Южна, Рыжова и др. Вѣрочку играетъ г-жа Алексѣева. Она въ теченіе двухъ лѣтъ прозябала въ труппѣ «на выходахъ», не видала даже ролей «безъ ниточки», и, мы слышали, съ ней собирались уже ликвидировать всѣ счеты. Теперешняя дирекція, проявляющая замѣтно большую внимательность и заботливость къ молодымъ силамъ, рѣшила между прочимъ испробовать дарованіе г-жи Алексѣевой. Въ этомъ сезонѣ ей дали играть Мелиту въ «Сафю» Грильпарцера, и, хотя исполненіе не отличалось особой яркостью, силой и красотой, но было согрѣто искренностью, простотою. Теперь молодой артисткѣ дана отвѣтственная роль Вѣрочки.

Слѣдующій и послѣдній бенефисъ — А. И. Южина, вѣроятно, 10-го февраля. Бенефициантъ остановилъ, послѣ долгихъ поисковъ, свой выборъ на «Кинтъ». Не всѣ изъ записныхъ театраловъ этимъ довольны. Почему «Кинтъ»? Это старо, это банально, это никому не интересно... Кто-то, быстрый на обобщенія, изъ-за этого выбора ополчился даже на самую систему бенефисовъ въ Маломъ театрѣ, которая будто-бы портитъ репертуаръ, забывая, что всѣмъ, что есть круннаго въ репертуарѣ этого театра, лучшимъ

трагедіями Шекспира и Шиллера, боевыми новинками, нашими и заграничными, Малый театръ обязанъ именно бенефисамъ. Да и а priori, неужели художественные виды лучшихъ силъ нашего театра — меньшая гарантія, чѣмъ усмотрѣніе начальства? Можетъ быть, когда-нибудь, когда репертуарная организація будетъ нѣсколько иная, когда репертуарныя коммисіи или совѣщанія будутъ не сладкою мечтою, не робкими попытками, но фактомъ нашей театральной дѣйствительности, — можетъ быть, тогда самостоятельный выборъ пьесы бенефициантомъ и будетъ являться помѣхою. А пока-что, это — элементъ оживляющій. И если бывають порою промахъ въ выборѣ, то это — либо случайность, всегда возможная, либо повинны въ этомъ постороннія обстоятельства отъ бенефицианта независящія и которые ему не всегда удастся побороть. То памятенная прекрасная пьеса не нашла сочувствія въ литературно-театральномъ комитетѣ, то она требуетъ сложной постановки, выходящей изъ рамокъ смѣты и кредитовъ, и т. д. Конечно, «Кинтъ» — не «Гамлетъ», и нѣтъ въ немъ, съ другой стороны, прелести новизны. Но во всякомъ случаѣ въ этой старой, заграничной драмѣ — блескъ таланта, рѣдкая сценичность и богатый матеріалъ для актерской работы. Намъ вполнѣ понятно, что ролями этой пьесы можно соблазниться. Не даромъ, что ни гастролеръ — то «Кинтъ».

Въ постановкѣ этой пьесы на Малой сценѣ будетъ много оригинальнаго, особенно въ сценѣ спектакля. На подмосткахъ сцены декорацией подъ угломъ, помѣстится «зрительный залъ», съ рядами креселъ и ярусами ложъ, оркестръ, сцена, на которой вмѣсто отрывка изъ «Гамлета», обыкновенно ставящагося, пойдетъ отрывокъ изъ «Ричарда III» (кстати, у автора — сцена изъ «Ромео и Джульетта»), пойдетъ и 5-ый актъ, почти всегда почему-то выпускаемый. Кромѣ бенефицианта-Кипа, въ пьесѣ заняты А. П. Ленскій, В. А. Максимевъ (Соломонъ), г-жа Селиванова (Анна Демби), Яблочкина и др.

— Послѣднее представленіе «Орлеанской Дѣвы» въ Большомъ театрѣ шло съ нѣкоторыми измѣненіями въ составѣ исполнителей. Агнесу Сорель играла г-жа Селиванова, а прежней исполнительницѣ этой роли, г-жѣ Ермоловой-Кречетовой отдана роль королевы. Въ исполненіи роли Агнесы Сорель было много хорошаго энтузіазма и мягкой женственности, отчего образъ приобрѣталъ обаятельность. Роль Изабеллы проведена нѣсколько неувѣренно и колеблющимися нитонаціями. Какъ всегда М. Н. Ермолова производила передачу роли орлеанской дѣвственницы громадное впечатлѣніе; сцена перваго появленія Іоанны во дворцѣ дофина Карла и монологъ подъ музыку — молчать гроза военной непогоды — вызывали въ публикѣ слезы. Превычайно-эффектны Дюнуа — г. Южинъ и трогательный Карлъ — г. Садовскій-сынъ. Жалѣ, что такъ рѣдко ставятъ «Орлеанскую Дѣву». На нее, очевидно, громадныя спросы. 53-е представленіе — полный сборъ, — это для Москвы явленіе совершенно исключительное.

А. М. Максимовъ.

(Къ 50-лѣтію сценической дѣятельности).

— Пьеса г-жи Стернь „Въ пріютѣ музъ и грацій“, существовавшая комедія Островскаго „Не отъ міра сего“ (въ бенефисномъ спектаклѣ Г. Н. Федотовой) и весьма сурово принятая и публикою, и печатью, снята съ репертуара Малаго театра.

— На-дняхъ Новый театръ поставилъ одноактную пьесу княж. Волковской „Браслетъ“. Зачѣмъ понадобилась эта пьеса, поразительно скучная, не складно сдѣланная и паллобно валпсающая, и какъ ова благополучно миновала всѣ театральные фильтры—понять трудно. Въ „Браслетѣ“ нѣтъ содержанія, нѣтъ и ролей, и не вина г-жи Пуаре-Благово и гг. Садовскаго, Красовскаго и Худолѣва, что „Браслетъ“ не вызвалъ ни хлопота.

— В. А. Александровъ, уже нѣсколько лѣтъ же дававший новинки, окончилъ новую комедію. Главная роль рассчитана на М. Н. Ермолову.

— Художественно-Общедоступный театръ пожинаетъ полный сборъ „Одинокими“ Гауптмана. Десять спектаклей прошли съ аншлагами. Теперь театръ репетируетъ „Сердце не камень“, впервые пробуя свои силы въ репертуарѣ Островскаго. Ставить пьесу, перваго представленія которой нельзя ждать раньше половины февраля, Вл. И. Немировичъ-Данченко.

— Последнею постановкою въ Коршевскомъ театрѣ была „Жаръ-птица“ г. Бегичева, когда-то стоявшаго во главѣ московскихъ Императорскихъ театровъ. Пьеса отдаетъ архивной пылью, такъ все въ ней на старинный, ладъ банально, сентиментально и фальшиво. Море хорошихъ словъ, по ни капли правды. Ставившая пьесу въ свой бенефисъ Б. Э. Кошова очень хорошо справилась съ тѣми моментами роли, гдѣ она—простенькая, веселая дѣвушка, но элементы драматическіе пропадали. Характерны были г. Свѣтловъ, въ роли стараго чиновника, который мягко стелетъ, да жестко сплетъ, у котораго медь на языкѣ, да зѣйка въ душѣ, и г. Строителевъ—старый, разваливающийся бонвиванъ и жуиръ. Одного изъ ближайшихъ новинковъ театра будетъ „Вампиръ“ Ришпена, въ переводѣ П. И. Кичеева. Пьеса неоднократно задерживалась драматическою цензурою и лишь теперь разрѣшена къ представлевію. Пьеса пойдетъ для бенефиса В. А. Миrowsкой.

С.

* * *

Городское попечительство о народной трезвости вступаетъ на путь реформъ. Все веденіе театрального дѣла поручается особому комитету. Предполагаемый комитетъ начнетъ дѣйствія съ марта мѣсяца; въ составъ его, кромѣ членовъ совѣта, будутъ приглашены нѣсколько артистовъ Императорскихъ театровъ, нѣсколько драматурговъ, которые совмѣстно выработаютъ репертуаръ на лѣтній сезонъ въ театрахъ попечительства. Матеріальная часть дѣла попечительства остается попрежнему въ рукахъ совѣта попечительства. Въ настоящее время, по слухамъ, изъѣздили согласіе на участіе въ засѣданіяхъ комитета г-жа Савина, гг. Сазоновъ, Давыдовъ и Карновъ.

* * *

Для любителей акробатиковъ помѣщаемъ нижеслѣдующій, присланный намъ въ редакцію.

Свой путь ты лаврами вѣнчала,
Артистки имя подняла,
Ися знаетъ Русь, какъ беззавѣтно
Искусству ты вѣрна была!
На сценѣ ты дышала правдой,
А эта правда не легка!

С. Вильянский.

* * *

„Большіе люди“—пьеса Гауптмана, въ приспособленіи для русской сцены О. К. Н., была поставлена 14 января на Михайловской сценѣ. Въ прошломъ сезонѣ, когда эта пьеса шла на сценѣ Литературнаго театра—у насъ была посвящена ей очень подробная рецензія. Поэтому теперь приходится сказать только немногое объ исполненіи пьесы на казенной сценѣ. Общій тонъ исполненія мнѣ меньше понравился, чѣмъ тонъ усвоенный артистами Литературнаго театра. Тамъ мы видѣли семью изъ разряда такъ называемыхъ „эксцентричныхъ“, семью, какихъ на бѣломъ свѣтѣ довольно много. Здѣсь мы вторглись въ жизнь совершенно исключительной семьи, гдѣ каждый стоитъ уже на границѣ сумасшествія, а всѣ вжѣстѣ могутъ быть прямо посажены въ больничную карету и направлены въ больницу Николая Чудотворца. Тамъ—каждый изъ публики могъ думать:

— Чортъ возьми!.. А вѣдь это очень напоминаетъ семью моего хорошаго знакомаго NN...

Или еще того хуже:

— Позвольте!.. Да такіе же сцены бывають и у меня въ домѣ!..

Въ этомъ, конечно, заключался трагизмъ положенія, и яркость впечатлѣній отъ этого только удесятелась...

Здѣсь—никому на умъ не пришло бы искать среди своихъ, „находящихся на свободѣ“, знакомыхъ типы и характеры, подобные дѣйствующимъ на сценѣ.

По моему, такое утрированіе положеній и настроеній въ пьесѣ, подобной „Большимъ людямъ“, нѣкоимъ образомъ не должно бы быть терпимо. Чѣмъ мигче, сдержаннѣе сыграть, тѣмъ, повѣрьте, она болѣе затронетъ за живое и тѣмъ болѣе неизгладимое впечатлѣніе она оставитъ. Ибо въ ней самой ужъ заключается столько драматическаго матеріала, столько безпощадной горечи, что подливать масло въ огонь нецѣлесообразно...

Теперь объ отдѣльныхъ исполнителяхъ. Г. Горевъ (Фридрихъ Шольцъ)—далъ нѣчто очень скользящее и расплывшееся. То онъ изображалъ алкаголика, вступившаго въ послѣдній періодъ бѣзъумія, щебеталъ, нылъ и плакалъ, то разомъ проникался силой леонарда и, воздвѣвъ руки, устремлялся на окружающихъ. Каковъ былъ замыселъ г. Горева, такъ и осталось тайной для публики.

Сама жизнь, сама правда—была на этотъ разъ г-жа Джюикова 1-ая (Мина Шольцъ). Болѣе цѣльной, болѣе совершенной въ мелочахъ игры, мнѣ давно уже не приходилось видѣть. Даже общее усиленіе тона какъ бы едва коснулось г-жи Джюиковой, и это именно была отъ головы до ногъ „рядовая“ женщина изъ рядовой эксцентричной семьи.

Нѣсколько въ декадентскомъ духѣ, но въ своемъ родѣ очень интересно и оригинально игралъ Робертъ—г. Ге. Онъ сыгралъ только, что исторически это не совсѣмъ правильно, и что въ то время, когда написанъ „Friedenfest“ Гауптманомъ—и декадентство-то риг sang почти не было.

Обрадовала насъ своей умною и не лишнею тембрамента игрой г-жа Федорова (Августа). Вотъ артистка, которая незаслуженно, буквально „захудала“ на Александринской сценѣ. Служить она съ 1879 года на Александринской сценѣ, но кто ее видѣлъ и помнить въ какой нибудь „пынгринной“ роли?.. Печальная доля, постигшая многихъ, которые исполненіе надеждъ и иллюзій вступили на подмостки Александринской сцены!..

Г. Ходотовъ (Вильгельмъ)—мѣстами очень интересенъ и способенъ наэлектризовать зрительскую залу, но затѣмъ онъ сразу спадаетъ съ тона и нѣкоторое время безцѣльно блуждаетъ по сценѣ какъ въ пустынѣ арабійской. Чтò дѣлать—молодость и неопытность... Но со временемъ, конечно, и то и другое пройдетъ.

Г-жа Стравинская (Ида)—собственно на этотъ разъ вовсе не играла, а только присматривалась, какъ играютъ другіе. Такого безучастнаго отношенія къ своей роли мнѣ давно уже не приходилось наблюдать.

Г-жа Стрѣльская—добрая, милая г-жа Стрѣльская—такъ все время и оставалась хлопотуней „тетушкой изъ Тамбова“, хотя очень старалась изобразить фрау Марію Вухперъ.

Пьеса была прослушана съ большимъ вниманіемъ и повидимому произвела сильное впечатлѣніе. Исполнителей много разъ вызывали.

Импрессионисты.

* * *

Относительно спектаклей постомъ, какъ слышно, получены неблагоприятныя свѣдѣнія изъ Перми и Вильны, гдѣ разрѣшеніе спектаклей встрѣчати серьезное противо-дѣйствіе.

* * *

30 января въ Варшавскомъ драматическомъ театрѣ будетъ праздноваться 50-лѣтній юбилей сценической дѣятельности талантливой артистки Жозефины Альбертены Мазуровской. Артистка всѣ пятьдесятъ лѣтъ прослужила на сценѣ варшавскаго театра „Розмайтости“. Г-жа Мазуровская мать нашей драматической артистки М. В. Мазуровской, начавшей свою карьеру также въ Варшавѣ.

* * *

Артистъ московской Императорской оперы Павелъ Акинфиевичъ Хохловъ на-дняхъ праздновалъ двадцатилѣтіе своего служенія, которымъ, почтенный артистъ намѣренъ закончить свою оперную карьеру. П. А. Хохловъ родился 29-го іюня 1854 года въ Суасскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. Получивъ домашнее образованіе, будущій пѣвецъ, проявлявшій уже и тогда выдающіяся музыкальныя способности, двѣнадцати лѣтъ былъ помѣщенъ въ IV московскую гимназію, окончилъ тамъ курсъ въ 1873 году и поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, гдѣ получалъ дипломъ въ 1878 г.

Еще во время пребыванія въ гимназій, у П. А. обнаружился прекрасный голосъ и замѣчательный слухъ. Хохловъ необыкновенно быстро изучилъ фортепіано,

Евг. Онѣгинъ.

Въ студенческіе годы.

Демонъ.

II. А. Хохловъ. (Къ прощальному бенефису).

скрипку и гитару. Первоначальные уроки пѣнія г. Хохловъ получилъ въ музыкальной школѣ извѣстнаго преподавателя Ю. К. Арполюда; въ 1875 году онъ перешелъ къ профессору пѣнія А. Д. Александровой, давшей русской оперѣ не мало извѣстныхъ артистовъ. Въ 1878 году онъ получилъ предложеніе поступить на сцену Большого театра, гдѣ дебютировалъ весною 1879 года, въ партіи Валентина, («Фаустъ»). Лѣтомъ 1879 года г. Хохловъ ѣздилъ въ Италію, гдѣ завершилъ свое артистическое образованіе у профессора пѣнія г. Ранконьи и осенью былъ принятъ на московскую сцену. Съ этого времени началась артистическая карьера талантливаго пѣвца. Онъ создалъ свои коронныя партіи Демона и Онѣгина и исполнялъ главныя партіи въ тридцати операхъ «Аидъ» (Амонасро), «Трубадуръ» (герцогъ Луна), «Фаустъ» (Валентинъ), «Травиата» (Жерменъ), «Ворисъ Годуновъ» (царь Борисъ), «Мазепъ» (Кочубей), «Черевичкахъ» (Свѣтлѣйшій), «Гугенотахъ» (Неверъ), «Свѣгурочкѣ» (Мизгирь), «Донъ-Жуанъ» (Донъ-Жуанъ), «Валь-маскарадъ» (Ренато). Въ 1881, 87 и 88 годахъ онъ гастролировалъ въ Петербургѣ на сценѣ Маринскаго театра.

Юбилейный бенефисъ П. А. Хохлова въ Москвѣ—одно изъ тѣхъ Московскихъ событій, которое вызываетъ толки, рождаетъ споры, пробуждаетъ воспоминанія. Г. Хохловъ—одинъ изъ тѣхъ любимцевъ Москвы, о которыхъ въ Москвѣ иначе не говорятъ, какъ съ доброй улыбкой на лицѣ и съ благодарностью во взорѣ. За что благодарятъ, въ чемъ собственно заслуги любимца, мало кто знаетъ да вѣрное нѣчто и не задается этимъ вопросомъ. Отъ отца къ сыну переходитъ готовый запасъ восхищенія и сохраняется какъ нѣкій даръ. И вотъ стоитъ только такому любимцу выступить передъ публикой, какъ начинается овація. Естественно, что бенефисъ да еще юбилейный долженъ былъ идти съ той помпой, какую можно видѣть только въ Москвѣ. Не овація, а столпотвореніе, не подъемъ, а какой-то ураганъ чувствъ, океанъ восторговъ.

Но изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы г. Хохловъ не заслуживалъ шумныхъ привѣтствій. На сценѣ московской оперы, не блиставшей никогда ни выдающимися голосами, ни художественностью исполненія, г. Хохловъ неизмѣнно выдѣлялся, какъ топка чувствующій и умѣющій распоряжаться своими средствами пѣвецъ. Въ свое время удивлявшій необыкновенно симпатичнымъ, пріятнымъ, мягкимъ тембромъ голоса, за послѣдніе десять лѣтъ онъ продолжалъ привлекать особой, ему лично принадлежащей манерой, всякой исполняемой партіи придавать черты изящества и благородства. Иногда, быть можетъ, эта манера шла прямо въ разрѣзъ съ замысломъ автора, по

изящное и благородное не можетъ не дѣйствовать на сердца, и слава Хохлова росла, не взирая на все возраставшіе недочеты голоса. Если бы г. Хохловъ и вовсе пересталъ пѣть, а только выходилъ на сцену,—успѣхъ былъ бы обезпеченъ. И было бы рѣзкой несправедливостью считать такой успѣхъ незаслуженнымъ.

Артистъ—поэтъ, г. Хохловъ провелъ на сценѣ лучшіе годы своей жизни. Юбилейнымъ спектаклемъ онъ окончилъ со сценой. Но уходя, онъ оставляетъ за собой любящую его искренно публику и два изящныхъ, тонко вырисованныхъ образа—Онѣгина и Демона, въ которыхъ москвичамъ еще долго не будетъ нравиться ни одинъ артистъ, хотя бы онъ и лучше пѣлъ, и ближе подходилъ къ тому, чѣмъ въ пушкинскомъ Онѣгинѣ вдохновился Чайковский, а въ лермонтовскомъ Демонѣ Рубинштейнъ.

А. Г.

* * *

Театръ «Фарсъ». Вокругъ значительно пожившей «теплой вдовушки», обладающей 250 тысячами, толчется рой поклонниковъ: идиотъ и лже-баронъ, старикъ-вдовецъ, отецъ двухъ корпулентныхъ «ангелочковъ», два брата-Аякса—«польскіе фацеты» и добродѣтельный докторъ. У вдовушки есть племянница, въ которую влюбляется, конечно, успѣшно, пріѣхавшій художникъ. Вдовушка кокетничаетъ со всей стаей и въ третьемъ дѣйствіи выходитъ замужъ за доктора. Таково содержаніе «комедіи» Балуцкаго, поставленной 15 января въ театрѣ «Фарсъ» въ бенефисъ М. С. Брянской-Ковровой. Какъ «Игра въ любовь» это произведеніе польскаго автора также занимаетъ положеніе ни павы ни вороны: для фарса «Вдовушка» слишкомъ серьезна, для комедіи,—слишкомъ легковѣсна. Авторъ нигдѣ не доходитъ до «серьзнаго слова»; онъ, какъ истый сынъ своего народа, легко скользитъ по поверхности жизни, заѣвъ оборонивъ мѣткую фразу, тамъ бойко скопировавъ походку знакомаго и уколовъ собесѣдника острымъ словомъ. Польская муза—рыцарская по преимуществу, и къ своимъ «паннечкамъ» она относится такъ, словно танцуетъ съ ними мазурку. Женщина въ польской литературѣ это идеаль, совершенство, существо неземное. Всѣ эти Аннели («Безъ догматъ»), Лиги («Камо грядеши»), Марины («Семья Полянецкихъ») и добавляя сюда «племянницу» Балуцкаго, лишены плоти и врядъ ли живутъ на свѣтѣ. Симпатичное дарованіе г-жи Грановской сдѣлало послѣднюю фигурку болѣе или менѣе человѣческой.

Фарсъ «Парижскіе спириты», основанный большей частью на смѣшеніи фамилій, прошелъ ускореннымъ темпомъ весело и интересно, за исключеніемъ III-го акта. Бенефициантъ были поднесены цвѣты. Упомяну о движущихся эффектахъ

въ первомъ дѣйстви «Вдовушки», которые, впрочемъ, врядъ ли были замѣчены публикой. О. Д.

* * *

Масса подарковъ, цѣнныхъ и нецѣнныхъ, а затѣмъ цвѣты, цвѣты, цвѣты... Таковымъ былъ бенефисъ М. Н. Воронцовой-Ленни, состоявшійся въ четвергъ, 20 января. Артистка сдѣлалась любимицей мѣстной публики, которая явно высказываетъ ей свое „обожаніе“.

Всѣ неистовства публики 20 января были направлены исключительно по адресу симпатичной бенефициантки, ибо самъ по себѣ спектакль, признаться, былъ изрядно скучнымъ. Новый фарсъ „Жрицы амура“, несмотря на „благо-склонное участіе“ автомобиля, фонографа и др. новѣйшихъ изобрѣтѣній, навѣвалъ на зрителей поразительную скуку. — Затѣмъ слѣдовало новое музыкальное произведение явкого Н. Н. Губбенета, озаглавленное „Маршъ-Ленни“. Авторъ марша предусмотрительно написалъ на бенефисномъ изданіи вотъ, что онъ сочинилъ еще какой-то балетъ. Однако о томъ, сколько въ этомъ балетѣ такихъ же неуразумностей, какъ въ маршѣ, г. Губбенетъ умолчалъ. — вѣроятно, изъ скромности.

Нѣсколько разнесили публику только фарсъ „Супруга паненьки“. Если кое-гдѣ сократить этотъ фарсъ, то онъ безспорно будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ нашу-мѣвшій фарсъ того же автора „Подайте мнѣ ребенка“. Впрочемъ, пьеска много выиграла еще и отъ великолѣпнаго исполненія главныхъ ролей г-жей Воронцовой-Ленни и гг. Ленни и Грѣховымъ. Мѣстами были недурны гг. Каменскій и Басмановъ.

Вл. Л.—ій.

* * *

Къ юбилею М. Г. Савиной товарищество печатнаго и издательскаго дѣла „Трудъ“ выпустило въ свѣтъ первый выпускъ біографическаго очерка, составленнаго г. Протопоповымъ. Первый выпускъ обнимаетъ годы артистической дѣятельности г-жи Савиной до поступленія ея на Императорскую сцену. Всѣхъ выпусковъ предложено три: во второмъ будетъ изложена дѣятельность г-жи Савиной до 1895 г.; третій выпускъ отводится изложенію послѣдняго пятилѣтія до дня юбилейнаго бенефиса.

Судя по первому выпуску, изданіе обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Авторъ собралъ много весьма цѣнныхъ біографическихъ данныхъ, умѣло распредѣляя этотъ матеріалъ, а издатель сдѣлалъ все возможное, чтобы придать своему изданію внѣшность изящнаго «книжка». Красиво отпечатанная тетрадь начинается автографами гг. Аверкіева, Вейнберга, Гнѣдича, Боборыкина и Потѣхина — лицами, литературная дѣятельность которыхъ за послѣдніе годы шла рука объ руку съ дѣятельностью г-жи Савиной. Каждый изъ названныхъ писателей предлагаетъ свою характеристику артистки. Въ текстѣ изданія много портретовъ г-жи Савиной, начиная съ того времени, когда она еще была совсѣмъ ребенкомъ. Большая часть этихъ портретовъ появляется въ печати впервые, а кисти изобличаютъ, такъ сказать, истинное происхождение. Это изданіе, которое можно смѣло рекомендовать театральнымъ, несомнѣнно, останется интереснымъ памятникомъ по исторіи русскаго театра.

* * *

Представитель Русскаго Театральнаго Общества въ Харьковѣ, г. Бабецкій, пишетъ намъ.

Въ № 2 Вашего журнала напечатана корреспонденція изъ Харькова о смерти артиста Ив. Карп. Камскаго, служившаго въ драматич. труппѣ А. Н. Дюковой. Вашъ корреспондентъ замѣчаетъ: «Камскій умеръ отъ горловой чахотки, которая ускорила, по мнѣнію публики, благодаря явкокоторымъ не-пріятностямъ со стороны... кулисъ, откуда, какъ извѣстно, всегда дуетъ неблагоприятный вѣтеръ»... Какъ представитель въ Харьковѣ Русскаго Театральнаго Общества, весьма при томъ близко знающій ходъ дѣлъ въ нашихъ театрахъ, считаю своей обязанностью протестовать противъ столь несправедливаго заключенія. Болѣзнъ Камскаго была настолько стремительна въ послѣднемъ своемъ періодѣ, что какъ не было медицинскихъ средствъ остановить ее, такъ не могли бы «ускорить» ее какія либо «непріятности», если бы таковыя были у Камскаго со стороны труппы. Камскій болѣлъ давно и серьезно; въ Елисаветградѣ (два года тому назадъ) онъ жаловался товарищамъ на болѣзнь, а въ Тифлисѣ (лѣтомъ 1899 г.) не дослужилъ сезона изъ за той же болѣзни, принявшей весьма опредѣленный образъ; но покойный, какъ большинство артистовъ, не берегъ себя и не лѣчился. Идя на репетицію (Грязновъ — «Царская невеста») и (Каскаръ — «Заза»), Камскій упалъ на улицѣ, вслѣдствіе неожиданнаго и чрезвычайно сильнаго кровоизліянія изъ горла, настолько обильнаго, что вечеромъ у него сдѣлалось острое малокровіе мозга. Роковой и быстро наступающій исходъ былъ тогда же опредѣленъ врачами. Огношенія дирекціи и товарищѣ къ покойному артисту были самыя благожелательныя. Игралъ онъ часто, и если не имѣлъ

такого успѣха, какой имѣютъ первые персонажи труппы г-жи Дюковой, то товарищи въ этомъ нисколько не были повинны. Чуткость артистовъ харьковской труппы къ словамъ нашего корреспондента дѣлаетъ честь ихъ сердцу. Но думается, въ словахъ корреспондента не заключалось никакого «криминала», а скорѣе было неосторожное обращеніе съ фразой.

* * *

16 января, состоялось общее собраніе членовъ Театральнаго Общества. Собраніе было не особенно многолюдно. Въ началѣ, по предложенію предсѣдателя, почтены встаніемъ память умершихъ: учредителя Р. Т. О-ва Д. В. Григоровича, почетнаго члена Т. И. Филиппова, управляющаго Московскимъ Бюро А. А. Фадѣева и пожизн. члена Дурасова.

Предсѣдателемъ сообщено о Высочайшемъ разрѣшеніи устраивать ежегодно въ Императорскихъ московскихъ театрахъ, въ пользу Русскаго Театральнаго Общества: концерты, спектакль и маскарадъ, сборъ съ коихъ предполагается на пріобрѣтеніе Театральнаго Дома, въ Москвѣ, имени Императора Николая II.

По поводу заявленія 31 члена о созывѣ 2-го Всероссийскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей въ Москвѣ Великимъ постомъ сего года предсѣдатель объяснилъ собранію, что созывъ 2-го съѣзда въ настоящемъ году является затруднительнымъ въ виду того, что работы комиссіи не могутъ быть закончены безъ активнаго участія провинціальныхъ сценическихъ дѣятелей; почему и предлагаетъ востоящему собранію вмѣсто созыва 2-го съѣзда разрѣшить Совѣту Р. Т. О. ходатайствовать предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о временномъ допущеніи созыва чрезвычайнаго Общаго Собранія предстоящимъ Великимъ постомъ въ Москвѣ; причемъ образовать тамъ же особый Комитетъ изъ представителей выбранныхъ провинціальныхъ труппами, который и разработаетъ окончательно уставъ О-ва съ его корпоративными учрежденіями.

Членъ Собранія А. Р. Кугель, соглашаясь съ доводами предсѣдателя, просилъ, однако, точно опредѣлить время созыва 2-го съѣзда.

Большинствомъ голосовъ постановлено: созвать предстоящимъ Великомъ постомъ въ Москвѣ чрезвычайное Общее Собраніе членовъ Р. Т. О., если на то послѣдуетъ разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Назначеніе же срока созыва 2-го Съѣзда сценическихъ дѣятелей предоставить будущему Московскому чрезвычайному Общему Собранію.

Вторымъ вопросомъ разсматривалось ходатайство о разрѣшеніи въ видѣ временной мѣры до измѣненія § 4 Устава, выдавать въ 1900 г. ссуды сценическимъ дѣтелямъ, имѣющимъ остатка отъ бюджета 1899.

Большинствомъ голосовъ постановлено: просить Совѣтъ О-ва ходатайствовать о разрѣшеніи сего министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, производить ссуды на основаніи выработанныхъ Совѣтомъ и доложенныхъ Собранію правилъ.

При этомъ нѣсколькими членами Собранія возбуждены слѣдующіе вопросы:

1) Кого именно слѣдуетъ считать сценическими дѣтелями, коимъ можетъ быть выдаваема ссуда?

Постановлено: временно руководствоваться въ этомъ случаѣ § 1 устава О-ва для пособія нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ.

2) Какой именно цензъ должны имѣть поручители сверхъ принадлежности ихъ къ числу членовъ Р. Т. О-ва?

Постановлено: признаваніе кредитоспособности поручителей предоставить Совѣту.

Въ заключеніе, по предложенію А. Р. Кугеля, члены Собранія горячо выразили благодарность В. С. Кривенко, за его плодотворную дѣятельность на пользу Русскаго Театральнаго Общества.

* * *

Новая передѣлка и новая напрасно потревоженная тѣнь...

17 января, въ Василеостровскомъ театрѣ была поставлена «пѣса въ 6-ти картинахъ, передѣланная изъ романа Гончарова того же названія» «Обрывъ» (бенефисъ В. О. Евдокимова). Но «пѣсой» трудно назвать эти шесть бѣдныхъ «явленій» «обрывковъ», и рѣшительно ничѣмъ не связанныхъ между собой. Вотъ какъ представляется эта эпопея «Обрыва» съ подмошниковъ Василеостровскаго театра. I картина. Маркъ Волоховъ (г. Львовъ) ѣстъ на заборѣ яблоки и знакомится съ Вѣрой (г-жа Недѣйская). Потомъ входитъ Райскій (г. Аркадьевъ), и объясняется Вѣрѣ въ любви. II-я. — Волоховъ съ Райскимъ говорятъ другъ другу порядочныя пошлости и пьютъ пуншъ. Входитъ бабушка (г-жа Сѣверова) и жалѣетъ, что они не ѣли пирога. III-я. Генералъ Тычковъ (г. Евдокимовъ) въ гостяхъ у бабушки «журитъ» Полину Крицкую (г-жа Леонидова) за что его выгоняютъ вонъ. IV-я. Вѣра и Райскій въ перебой говорятъ или объясняются въ любви (кому? что? — не разобрать): слышны три выстрѣла и

Райскій «удерживаетъ» Вѣру отъ обрыва; она даетъ клятву что въ послѣдній разъ идетъ къ нему (къ кому—не говорить). V-ая.—Волоховъ и Вѣра. «Любовь, долгъ», «долгъ и любовь» — потомъ объятія! VI-ая. — Вѣра въ чемъ-то очень деликатно исповѣдывается бабушкѣ и бабушка ей—взаимно. Появляется Райскій по чему-то пьяный и говорить о своемъ призваніи скульптора. Занавѣсъ.

Написалъ я эти строки, прочелъ, и миражъ, созданный въ общемъ дружнымъ исполненіемъ разлетѣлся,—остался какой-то мрачный костякъ.

Пьеса сдѣлана какъ-то странно, неровными половинками: первая три картины (особенно вторая и 3-ья, гдѣ болѣе «Гончаровскаго»), *безспорно* интересны; вторая половина по наклонной плоскости стремится къ мелодрамѣ.

Г. Аркадьевъ далъ едва намѣченный образъ Райскаго. То же приходится сказать о г-жѣ Сѣверовой. Равно никакого образа не вышло у героини пьесы Вѣры—Недвѣйской. Г-нъ Львовъ пожалуй слишкомъ прямолинейно сыгралъ Волхова, «сосланнаго въ ихъ мѣста на житье» — (по афишѣ). Г-нъ Евдокимовъ былъ лучшимъ Мармеладовымъ (въ прочитанномъ передъ «Обрывомъ» монологѣ), нежели генераломъ Тычковымъ. Хорошо сыгравшія ансамбль и недурная обстановка въ извѣстной мѣрѣ дополняли впечатлѣніе. Morit.

* *

На Великій постъ въ Панзевскій театръ пріѣзжаетъ, какъ мы уже сообщали, харьковская опера кн. Церетели. Въ числѣ артистовъ находятся: г-жи Рене-Радица, Карганова, Инсарова, Боброва, Заремма, Сюнербергъ, Карамзина-Жуковская и др., гг. Севастьяновъ, Давыдовъ, Южинъ — тенора, Каміонскій Евлаховъ — баритоны, Антоновскій, Трубинъ — басы. Кромѣ общихъ репертуарныхъ оперъ, поставлены будутъ новинки: «Король Лагорскій», «Царица Савская», «Андрѣ Шенье», «Донъ-Карлосъ», «Забавы Путятишна», «Неронъ», «Царская невѣста», «Сандрильона», «Лѣсной царь» и др.

* *

А. И. Абаринова, какъ извѣстно, серьезно заболѣла и не появляется на сценѣ. На-дняхъ А. И. Абаринову перевезли въ Москву въ клинику проф. Снигирева.

* *

Пятый очередной членскій вечеръ драматическаго кружка, состоявшійся 12-го января въ залѣ Павловой, собралъ изрядное количество «своей» публики. Программа блистала литературностью и французскими симпатіями. Давались двѣ двух-актныхъ драмы Альфреда де-Мюссе въ стихотворномъ переводѣ Тюменева, еще не игранная на русской сценѣ пьеса: «Андреа дель Сарто» и болѣе извѣстная: «Прихоти Маріанны» (Les caprices de Marianne), съ одноактной комедіей Мольера: «Сганарель или мнимый рогоносецъ» въ заключеніе.

Французъ и въ искусствѣ прежде всего общителенъ: его изящество, веселость, учтивость и остроуміе способны очаровать человѣка, даже чуждаго ему по духу. Ни одна литература не стала съ такой легкостью и безъ усилий международною, какъ французская. Поэтому пересадка ея на чужую почву всегда болѣе или менѣе успѣшна. Но и въ ней есть элементы, не одинаково поддающіеся усвоенію. Французская веселость и остроуміе заразительны и, безъ особаго труда могутъ быть переданы и на другомъ языкѣ. Но есть специфически-французская черта, пожалуй доступная пониманію, но не поддающаяся передачѣ со стороны не-французовъ. Это—стильность. Только у французовъ могла сложиться поговорка: стиль — это человѣкъ. Французъ готовъ наслаждаться произведеніемъ ради одного только стиля его. Драматическія пьесы Мюссе, его извѣстныя «Пословицы», суть прежде всего пьесы стиля. На чужомъ языкѣ эта сторона неминуемо должна пропасть. Какъ передать изящные изгибы стиховъ, скользящихъ попарно, точно въ менуэтѣ, съ мягкимъ поклономъ на ривмѣ? Только французскій пѣвуче-декламационный стиль игры можетъ дать здѣсь цѣльное и своеобразно-художественное впечатлѣніе. Не мудрено поэтому, что новинка, драма «Андреа дель Сарто» (по имени главнаго героя, знаменитаго флорентійскаго художника)—оставила публику болѣе чѣмъ холодной, такъ какъ никакихъ достоинствъ кромѣ стилистичности, пьеса не имѣетъ. Сюжетъ, какъ видимъ, изъ эпохи возрожденія, — со всѣми аксессуарами мелодрамы: убійствомъ за сценою, дуэлью на сценѣ, бѣгствомъ раненаго любовника съ красавицей-женою, чашею яда въ развязкѣ, тирадами о высокомъ искусствѣ, о красотахъ природы, о цѣнѣ добродѣтели и проч. и проч.

Удачнѣе вторая пьеса: «Прихоти Маріанны». Въ ней истинно французское остроуміе, «стильность» не въ языкѣ только, но и въ изящной отдѣлкѣ характеровъ и положеній, въ тонкой соли рѣчей, хотя обстановка и здѣсь оперно-италианская: серенады, бандиты, таверны. Да и главные исполнители, г-жа Отрадина, гг. Берниковъ и Трабъ, съ большою свободой, вкусомъ и прекрасной читкой передали свои роли. Въмѣсто заболѣвшей г-жи Панчиной ей роль travesti пришлось эк-прохтомъ взять на себя режиссеру, г-ну Гор-

скому. Достойнымъ финаломъ, разыграннымъ довольно дружно, была мольеровская вещица, образецъ французской веселости и жизнерадостности. Я. Э.

* *

Во вторникъ, 25 января, въ Большомъ залѣ Консерваторіи состоитъ очень интересный спектакль Итальянской оперы. Представлена будетъ опера «Баль-Маскарадъ» съ участіемъ г-жъ Крушельницкой, Коротини; гг. Карусо, Баттистини, Аримонди, Сильвестри и др. Спектакль этотъ дается съ благотворительной цѣлью — въ пользу Крестоваго благотворительнаго Общества, предсѣдательницей котораго состоитъ графиня М. М. Орлова-Давыдова.

* *

Корреспондентъ кievскихъ газетъ г. Куницкій проситъ насъ заявить, что корреспонденція изъ Кременчуга (№ 2 «Театръ и Искусства») написана не имъ. Охотно исполняемъ его просьбу.

* *

Благодаря любезности извѣстнаго театралъ Я. Э. Сахара, мы получили въ свое распоряженіе слѣдующее неизданное стихотвореніе покойнаго Монахона, посвященное М. Г. Савиной и относящееся къ 1876 году:

Хотя посланница Вы съѣверныхъ небесъ,
Но яркою звѣздой на югѣ Вы горите
И какъ волшебница буквально рядъ чудесъ
Надъ кievлянами безжалостно творите:
Театръ всегда пустой, какъ Африки пустыня,
Талантомъ Вашимъ вдругъ обильно населенъ
И въ Сѣтова карманъ валится благоденствіе,
И гордо въ длинный плащъ драпируется онъ.

* *

Переполюхъ пошелъ и въ университетъ.
По Вашей милости свихнулся секретарь.
Мракъ запустѣнія царить теперь въ совѣтѣ,
Умолкнулъ секретарь и не бурлитъ какъ встарь.
Одни лишь сторожа, съ утра въ мундиръ одѣты,
Инструкцій отъ него нетерпѣливо ждутъ,
И секретарскіе дрожа принявъ букеты,
Голію стройною къ Вамъ на поклонъ несутъ.

* *

Роженецъ скорбный хоръ вопль грозный поднимаетъ.
Исчезъ съ лица земли нашъ славный акушеръ,
Ужъ цѣлый мѣсяцъ онъ больныхъ не принимаетъ
И дверь велѣлъ свою захлопнуть на запоръ.
Всему виною Вы, его Вы доконали:
Погибъ безвременно хирургъ и акушеръ
А чтобы Вы объ этомъ дѣлѣ знали,
Стихи сіи сложилъ товарищъ Вашъ актеръ,
Который самъ умѣлъ когда-то пѣть сонеты
Таланту, красотѣ, но нынче какъ-то смолкъ
И скромные подчасъ снѣтая Вамъ букеты,
Самъ бѣгаетъ отъ Васъ какъ бы на травлѣ волкъ.
Но повторяетъ онъ, что какъ себѣ хотите,
А Вы для Кіева посланница небесъ —
И много Вы еще, злодѣйка, натворите
Надъ кievлянами ужаснѣйшихъ чудесъ.

Письма въ редакцію.

Милостивый Государь Г. Редакторъ! Въ № 3 журнала «Театръ и Искусство» помѣщены замѣтки о крахѣ Могилевскаго театра. Для возстановленія истины и добраго имени, которое у насъ такъ охотно забрасывается грязью, покорнѣйше прошу дать мѣсто въ Вашемъ почтенномъ и уважаемомъ журналѣ, слѣдующимъ строкамъ:

Могилевскій театръ снятъ мною былъ отъ группы чиновниковъ Казенной Палаты, заарендовавшихъ театръ у города съ цѣлью поставить *прочно* серьезную драму вытѣснить царившую оперетку. При чемъ, хотя театръ сдавался мнѣ безъ вѣшалки и буфета, т. е. на тяжелыхъ условіяхъ для такого маленькаго города, арендаторы обѣщали мнѣ всевозможныя льготы, какъ-то: уничтоженіе 1/10, взимаемыхъ за театръ въ размѣрѣ 6% съ валоваго сбора, субсидію отъ го-

рода и полную готовность прийти на помощь въ крайнемъ случаѣ. — Въ теченіи полныхъ трехъ мѣсяцевъ, мнѣ пришлось бороться съ равнодушіемъ публики: всѣ лучшія новѣйшія пьесы проходили при самыхъ печальныхъ сборахъ, хотя то и дѣло мѣстная интеллигенція и газета увѣряли, что труппа и постановка всего дѣла больше чѣмъ хороши для Могилева. — Не смотря на то, что приходъ не покрывалъ расхода, труппа получала жалованье, какъ и всѣ служащіе при театрѣ, болѣе чѣмъ аккуратно, для чего неоднократно приходилось, съ вѣдома тѣхъ же арендаторовъ, прибѣгать къ займу, въ надеждѣ поправки дѣла праздниками.

Наступившіе праздники не оправдали возлагаемыхъ надеждъ, тогда, тѣ же чиновники-арендаторы, *рановавшие о серьезной драмѣ*, предложили мнѣ, какъ *единственный исходъ*, войти въ соглашеніе съ опереткой, которая на извѣстныхъ условіяхъ должна была чередоваться съ драмой. — При такомъ оборотѣ дѣла, а также не получая обѣщанной субсидіи (ибо нельзя считать за субсидію, взятая подъ *вексель* суммы, выплачиваемыя ежеспектакльно) и возвращенія процентовъ за театр, — я принужденъ былъ объявить труппѣ положеніе дѣла и, *по совѣту арендаторовъ*, предложить сбавку содержанія, чтобы имѣть возможность довести дѣло до конца. — Предложеніе это, сдѣланное *официально* всей труппѣ въ присутствіи одного изъ арендаторовъ, вѣдавшихъ хозяйственную часть, было отвергнуто и тутъ же рѣшено было Товарищество, въ которомъ мнѣ, конечно, было-бы смѣшно оставаться. Такимъ образомъ о негласныхъ поступкахъ, или побѣгѣ — не можетъ быть и рѣчи. Что же касается цифровыхъ данныхъ, сообщенныхъ нѣкимъ г. N, то насколько они вѣрны, прошу убѣдиться изъ документовъ, предоставляемыхъ полиціей, которые могу предоставить по первому желанію редакціи.

Примите увѣреніе и пр. П. Н. Рахманова.

Отъ редакціи. Мы предлагаемъ г. Рахманову представить документы, о которыхъ упоминается въ письмѣ, въ петербургское Бюро Театрального Общества, гдѣ ихъ разсмотрятъ. Если проверка документовъ окажется въ пользу г. Рахманова, мы съ готовностью объ этомъ напечатаетъ.

Чародѣйка русской сцены.

(Окончаніе *).

споминается мнѣ, какъ одна очень извѣстная московская премьерша, играя несчастную страдающую мать, явившуюся съ покаянной головой къ своей брошенной незаконной дочери, явилась на сцену... въ красной модной шляпкѣ, голубомъ бархатномъ платьѣ и въ какой-то необыкновенно эффектной золотистой накидкѣ... Недурно, не правда ли, для сцены покаянія?..

У Савиной вы никогда ничего подобнаго не встрѣтите. Удивительные туалеты Савиной вовсе не отъ того удивительны, что отвѣчаютъ послѣднему блеску моды... но потому, что отвѣчаютъ, прежде всего, характеру даннаго лица, общему колориту пьесы, вѣрно настроенію извѣстнаго акта... Является на сцену „Елена Протичъ“ — она въ роскошномъ балномъ платьѣ и только что сошла съ эстрады, гдѣ ей рукоплескали: въ туалетѣ что-то кричащее, ярко и излишне блестящее, та эффектная театральная мишура, которая сразу подчеркиваетъ вамъ тщеславіе примадонны и бездушие авантюристки... Является на свиданіе къ Ашанину „Ольга Ранцева“: она въ свѣтло-красномъ платьѣ, съ какимъ-то огненнымъ отливомъ, на головѣ красное перо какъ у Мефистофеля — она пришла сюда для соблазна и

страсти... и вся она, съ головы до ногъ, — коварство и обольщеніе!.. Во второмъ актѣ „Темной Силы“ Шпажискскаго (Клеопатра), тоже коварство и обольщеніе... но уже совсѣмъ иного рода — и Савина является на сцену въ шелковомъ платьѣ стальнаго цвѣта, сплошь унизанномъ синеватымъ стеклянью, какъ бы въ сверкающей змѣиной чешуѣ. Гдѣ удивительный по жизненности тонъ съ родными блѣднаго обмороченнаго ею юноши, тотъ рѣзко фальшивый женскій тонъ, отъ котораго, по выраженію Мопассана, можетъ лопнуть стекло, дополняетъ иллюзію... оставляя, въ общемъ, въ зрителяхъ впечатлѣніе воплощенной въ мирный домъ красивой змѣи — блестяще-плѣнительной, кротко-лестливой, но все же змѣи, по существу своему... А появленіе Савиной — „Маргариты Готье“ на балу, гдѣ ее такъ безжалостно оскорбляетъ Арманъ Дюваль — это нѣчто совсѣмъ новое, ни у кого не заимствованное и глубоко поэтическое. Какъ извѣстно, въ этой сценѣ Маргарита Готье является самоотверженной мученицей во имя чистѣйшей любви — и, посмотрите, какъ отбѣиваетъ эту трогательную черту самая вышность Савиной: блѣлое платье, скромная прическа, на головѣ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ; а въ матово-блѣдномъ лицѣ, въ скорбномъ взглядѣ полуопущенныхъ глазъ, что-то такое неувловимое, если такъ позволено выразиться, христіанско-мученическое — ну, совсѣмъ головка Габріэля Макса, только что вышедшая изъ рамы.

Художественная тонкость ея сценическаго облика, можно сказать, прямо поразительна. Часто, повидимому, самая пустая мелочь, какой-нибудь двѣтокъ у корсажа или подробность въ прическѣ, открываютъ вамъ нескромно цѣлую маленькую біографію героини... Вы можете быть видѣли „Клеймо“ П. Д. Боборыкина — если видѣли, то, конечно, помните несчастную „Агнію“, попавшую въ законныя жены изъ омуга проституціи. Агнія-Савина одѣта очень скромно и просто и, казалось бы, ничто никому не напоминаетъ о гнусномъ прошломъ... Одно вотъ: этотъ маленький, неряшливо-нахальный, завитокъ волосъ, спустившійся какъ бы случайно на лобъ... совершенно необъяснимо почему, но у Савиной онъ „говоритъ“, какъ „говоритъ“ знаменитая бархатка на шеѣ Китти въ романѣ графа Толстого, какъ бы предательски подчеркивалъ вамъ неувовимо-тонкимъ намекомъ все недавнее прошлое Агнии.

Или вотъ еще лишній примѣръ этой „картинности“ игры: „сцена сумасшествія“ въ пьесѣ Лодыженскаго „Подъ властью сердца“ — пьесѣ, въ общемъ, крайне слабой и обзаванной своимъ исключительнымъ усиліемъ проникновенно тонкому исполненію Савиной героини драмы — несчастной Софьи Бринской. Въ упомянутой сценѣ Савина особенно замѣчательна: блѣдное, измученное лицо, обрамленное распущенными волосами, загадочный, устремленный въ даль, почти отрѣшенный отъ міра, взглядъ, и молитвенно-простертыя впередъ исхудалыя руки, въ волнахъ широкихъ кисейныхъ рукавовъ, похожихъ на крылья серафима... въ общемъ, неизгладимо трогательный образъ, точно предвосхищенный съ одной изъ удивительныхъ фигуръ Васнецовскаго „Преддверія рай“!..

Какъ жаль, что не существуетъ снимковъ въ краскахъ съ Маріи Гавриловны Савиной въ ея гавитѣйшихъ роляхъ, — получилась бы своеобразная картинная галлерея, которая сослужила бы свою назидательную службу въ исторіи сценическаго искусства и, надо полагать, не меньшую, чѣмъ знаменитый художественный альбомъ „ролей“ покойнаго В. В. Самойлова!.. Увы, мы, русскіе, все еще слишкомъ безпечны и мало предприимчивы и, усердно перенимая

* См. № 3.

Съ акварели Н. И. Кравченко. (Собственность редакци)

отъ Европы всякую всячину, не переняли до сихъ поръ главнаго: истиннаго уваженія къ искусству и литературѣ. Удивляютъ меня также и ваши художники... Ходишь по русскимъ выставкамъ — и почти каждый годъ, по части женскихъ портретовъ все одно и то же: графиня N съ болонкой въ колѣняхъ, квягиня Z съ французскимъ журваломъ въ рукахъ, дама, отдыхающая на турецкомъ диванѣ, барышня, потерявшая калошу и т. п. — а портрета — красы и гордости русской сцены — М. Г. Савиной, „музыка лица“ которой, казалось бы, такъ и просится на полотно — все нѣтъ какъ нѣтъ. Потому что, повторяю, нѣтъ у насъ еще востоящаго интереса и уваженія къ родному искусству, но за то холопства передъ Европой хоть отбавляй!!..

Вспомнить, къ слову, хотя бы послѣдній прїездъ французской актрисы Режанъ. Прїѣхала она съ заиграннымъ полуводевильнымъ репертуаромъ, съ рыжими растрепанными волосами и чисто кокоточнымъ апломбомъ. Труппа не важная, обстановка убогая, а цѣны при этомъ такіа сумасшедшія, что возьми подобныя первая русская актриса въ свой бенефисъ, газеты сейчасъ бы забили въ набатъ по поводу російскаго живодерства. А тутъ, не угодно ли — театръ набитъ биткомъ, въ ложахъ балльные туалеты, въ партерѣ фраки и смокинги, въ антрактахъ охи и ахи... Изъ-за чего, спрашивается?

Я нарочно отправился поглазѣть на это чудо-юдо, въ одной изъ лучшихъ ея ролей, по общему признанію критики: въ „Парижанкѣ“ Анри Бека — и отъ души пожалѣлъ о нелѣпой цѣнѣ, заплаченной за кресло. Я увидѣлъ передъ собой то, что ожидалъ: актрису не молодую, но довольно еще пикантную, игру поверхностную, хотя довольно красивую, туалеты великолѣпные, хотя совершенно безсмысленные. Затѣмъ — ни слѣда Божіей искры, ни тѣли увлеченія, ни одной сколько нибудь искренней вспышки, которая бы васъ захватила. Роль или вѣрнѣе „гастроль“ хорошо сдѣлана — и только. Было бы, впрочемъ, достаточно смѣшно, если бы она была худо сдѣлана послѣ полусотни репетицій въ присутствіи автора и полтысячи представленій по всѣмъ городамъ Европы... И мнѣ невольно припоминается другой спектакль, видѣнный незадолго до прїѣзда г-жи Режанъ въ Михайловскомъ театрѣ. Пла трехактная комедія италіанскаго драматурга Марко Прага: „Идеальная жена“. Цѣны были дешевыя, публики мало, а артистка, игравшая заглавную роль Юліи Компіани (идеальной жены), была русская и звалась Маріей Савиной. За отсутствіемъ изъ Петербурга, я передъ этимъ болѣе года не былъ въ русскомъ театрѣ — и теперь прямо ахнулъ. Такой совершенной игры я не ожидалъ даже отъ Савиной — это была идеальная игра въ буквальномъ смыслѣ слова, гдѣ надо было англодировать не только за каждую сцену, но рѣшительно за каждую фразу. Это было нѣчто совсѣмъ новое по глубинѣ и тонкости проникновенія въ характеръ изображаемаго лица, новое не только для давнишнихъ поклонниковъ Савиной, но даже для ея товарищей по сценѣ. И вотъ еще подробность для сравненія. Пьеса Анри Бека, рисующая типъ современной испорченной па-

ряжанки — пьеса умная, содержательная, исполненная значительной сатирической злости, а между тѣмъ игра г-жи Режанъ дѣлаетъ изъ нея какой-то игристый водевиль. Пьеса Марко Прага, напротивъ того, поверхностная и мало содержательная, а что дѣлаетъ изъ нея Савина? Передъ вами точно волшебное зеркало, въ которомъ проходить, отраженный какъ въ фокусѣ, всѣ мельчайшія подробности и тонкости женскаго характера, и отраженный, при томъ въ мягкомъ отблескѣ едва замѣтной сатиры на свою мнимую супружескую идеальность. Если вы молодой человѣкъ и вамъ хочется звать, что такое женщина, если вы неопытный мужъ и желаете убѣдиться, какъ тонко обманываютъ жевы... если вы наконецъ, человѣкъ пожилій и хотите меланхолически провѣрить, какъ васъ нѣкогда любили и во-

М. Г. Савина у себя дома.

(Съ фотографіи г. Глыбовскаго, снятой наканунѣ юбилея).

дили за носъ — ступайте смотрѣть Савину „идеальную жену“ — и вы все это увидите! Если хотите, это даже не игра, а настоящая школа жизни...

Къ прискорбію, единственный чуткій откликъ объ этой гениальной игрѣ я нашелъ не въ столичной прессѣ (виднo нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ), а въ старомъ случайно найденномъ номерѣ „Полтавскихъ Вѣдомостей“. И вотъ что пишетъ, между прочимъ, невѣдомый мнѣ провинціалъ, очевидно тоже бывшій въ томъ же спектаклѣ: „Тутъ такая тонкость, такая живая жизнь, столько изумительныхъ по наблюдательности оттѣнковъ, что нельзя отдѣлаться отъ иллюзіи, что передъ вами гениальная актриса, а не дѣйствительное, живое лицо. Идеальная жена такъ мила, такъ добра съ мужемъ, такъ заботится о немъ, такъ угадываетъ его желанья, что онъ не видитъ и не повѣритъ никогда, что все это дѣлаетъ она ради того, чтобъ имѣть возможность... видѣться и принадлежать любовнику, котораго одного только она любитъ и которымъ лишь и дышитъ. Она совсѣмъ не злая женщина, по своему привязана къ мужу и сыну, желаетъ имъ всякаго добра, но она женщина, и женщина южная, у которой любовь царитъ надъ всѣмъ и побѣждаетъ все. Невозможно передать всѣхъ подробностей очаровательной игры Савиной въ этой роли. Ея интонація, ея мимика, ея чудные глаза, въ сценахъ съ мужемъ и любовникомъ, и съ обоими вмѣстѣ, вскрыв-

вають передъ зрителемъ въ удивительной красотѣ художественнаго создавія весь внутренній міръ изображаемой искренней коварницы. Большинство публики, въ томъ спектаклѣ по крайней мѣрѣ, на которомъ я присутствовалъ, поверхностно и тупо глядѣло на эти перлы творчества, расточаемые передъ нею необыкновенной русской артисткой и видимо мало понимало ихъ“.

Да, надо сознаться, Савина послѣднихъ лѣтъ не только переросла свой обычный репертуаръ и своихъ присяжныхъ драматическихъ поставщиковъ, но также и публику... Не говорю уже о критикѣ. Въ Парижѣ, по поводу такого исключительнаго исполненія, поднялся бы цѣлый гвалтъ, и навѣрно какой-нибудь Леметръ или Сарсэ написали бы цѣлую книгу подъ заглавіемъ: „Что такое женщина“ или „Женщина, какова она есть на самомъ дѣлѣ“, что-нибудь въ этомъ родѣ!—А у насъ... единственный искренній откликъ, и то въ какомъ-то провинціальномъ мало-вѣдомомъ листкѣ—вотъ пока и все. Кромѣ того, въ самомъ приемѣ игры М. Г. чувствуется нынѣ замѣтная перемена: довольствовавшаяся прежде чуткими уловленіемъ основнаго тона роли и предоставлявшая все остальное случайности сценическаго вдохновенія (что дѣлало ея игру крайне неровной и сужденія о ней крайне разнорѣчивыми), Савина, въ послѣднее время, останавливаетъ невольное вниманіе знатока поразительно тонкой отдѣлкой роли... напримѣръ, весь второй актъ въ драмѣ Артура Пинеро „Вторая жена“—въ особенности, изыскательное объясненіе Паулы съ леди Кортэліонъ—можетъ считаться въ исполненіи нашей премьерши прямо образцомъ сценической виртуозности.

Вернемся еще разъ къ представленію г-жи Режанъ. Послѣ „Парижанки“, шель извѣстный водевиль Мельяка и Галеви „Лолотта“. Я хотѣлъ было уходить, но соседъ мой по креслу удержалъ меня: „Если вамъ не нравится Режанъ въ „Парижанкѣ“, то вы обязаны ее посмотреть въ „Лолоттѣ“. Въ этомъ жанрѣ она незамѣнима!“ И я остался посмотреть... Не знаю, на сколько тысячъ кружковъ было навѣрено на г-жѣ Режанъ въ роли шансонетной пѣвицы Лолотты, но игра ея была далеко не „кружевная“. Пикантно спѣтая шансонетка и нескромный каскадный жестъ, которымъ она сопровождаетъ нѣкоторыя фразы (для этого жеста, какъ извѣстно, она брала въ Парижѣ спеціальныя уроки у одной популярной каскадерки), не выкупали общаго впечатлѣнія сухости и преднамѣреннаго эффекта. И, вдобавокъ, еще одна противная черта: при иныхъ, особенно выигрышныхъ фразахъ, возбуждающихъ смѣхъ публики, Режанъ тоже смѣется глазами, въ полуоборотъ переглядываясь съ партеромъ и какъ бы говоря „Hein, каково у меня это вышло—радуйтесь, русскіе варвары!“

И русскіе варвары радовались, хотя и малѣйшаго искренняго подъема въ партерѣ не чувствовалось и въ срединѣ пьесы многіе стали покидать залу...

И невольно, въ параллель Лолоттѣ („созданной“ г-жей Режанъ въ Парижѣ, т. е. иначе говоря, сыгранной не одну сотню разъ) мнѣ вспоминается еще другой спектакль, тоже законченный водевилемъ, поставленнымъ, вдобавокъ, на спѣхъ, какъ ставятся, вообще, у насъ всѣ водевили... То былъ бенефисъ все той же Маріи Савиной, поставившей послѣ четырехактной драмы... извините за нескромность—водевиль вашего покорнаго слуги: „Женская чепуха“. Послѣ того, что ранѣе было сказано о Савиной, нужно-ли подробно пояснить, что сдѣлала она изъ такой бездѣлки и сколько внесла жизни, юмора и блеску, въ изображеніе—въ лицѣ невѣдомой доселѣ никому „Людмилы Алексѣевны“—очаровательной и губительной

женской чепухи! Съ перваго ея появленія и до послѣдняго ея слова (а она все время не сходитъ со сцены) это былъ сплошь какой-то сверкающій фейерверкъ неожиданныхъ комическихъ интонацій, разныхъ мимическихъ сюрпризовъ и всякихъ сценическихъ блескочекъ. Въ залѣ все время гудѣлъ непрерывный ураганъ смѣха, заглушавшій поминутно реплики г. Горева, игравшаго мужа г-жи „Чепухи“. И зато едва занавѣсъ опустили, благодарность по адресу Савиной выразилась въ небывалой по своей искренней восторженности оваціи. Всему этому, впрочемъ, слишкомъ много было свидѣтелей, чтобы заподозрить меня въ авторскомъ пристрастіи. Обмѣниваясь на другой день съ А. С. Суворинымъ впечатлѣніями по поводу игры Савиной въ послѣдней пьескѣ, я хотѣлъ было вставить какое-то мелочное авторское замѣчаніе... но А. С. горячо остановилъ меня: „Оставьте, при такой игрѣ нѣтъ мѣста никакимъ замѣчаніямъ—остается только смотрѣть и наслаждаться!“

И сколько такихъ истинно-художественныхъ наслажденій запечатлѣлось за четверть вѣка на одной моей памяти, не взирая на то, что судьба довольно-таки часто выгоняла меня изъ Петербурга, не позволяя быть особенно послѣдовательнымъ наблюдателемъ Савинскихъ успѣховъ. О выдающихся изъ нихъ я, впрочемъ, уже упомянулъ—а развѣ это, спрашивается, все?... А ея Марія Антоновна въ „Ревизорѣ“ Гоголя—этотъ чистѣйшій перлъ тончайшей комической игры? А ея таковой же перлъ—Еввалія въ „Невольникахъ“ Островскаго? А ея удивительная по реализму Акулина въ драмѣ Льва Толстого „Власть тьмы“? А этотъ милый ангелъ во плоти съ душой ростовщика—пспанка Фениза въ комедіи Лопе-де-Вега „Сѣти Фенизы“? А меланхолическая Магда въ „Родинѣ“ Зудермана? А жизнерадостная Сусанна въ „Свадьбѣ Фигаро“ Бомарше? А Мирандолина въ „Трактирщицѣ“ Гольдони? А „Дикарка“, „Чародѣйка“, „Татьяна Рѣпина“, „Забава Путятишна“... а цѣлая галерея женскихъ типовъ Островскаго (кромѣ уже упомянутыхъ), а ея шумные успѣхи въ пьесахъ братьевъ Потѣхинныхъ, трогательная игра въ переводныхъ мелодрамахъ—развѣ возможно все это перечислить, не рискуя обратить живой откликъ пережитаго и переживаемаго въ сухой и пестрый статистическій свитокъ?!... Если, кстати, отмѣтить здѣсь, что за двадцатипятилѣтнее свое пребываніе на Александринской сценѣ Маріей Гавриловной сыграно болѣе трехсотъ ролей—цифра эта, я полагаю, безъ словъ подчеркнетъ вамъ огромную и неустанную сценическую дѣятельность петербургской любимицы... И только подумать—сколько пришлось нервовъ на все это потратить, своихъ артистически-тонкихъ, болѣзненно-чуткихъ нервовъ прирожденной художницы... сколько пережить при этомъ всякихъ закулисныхъ дрязгъ, сколько разъ бороться съ казенной канцелярщиной казенныхъ подмолокъ, наконецъ,—о, ужасъ!—сколько разъ считаться съ мелочнымъ авторскимъ самолюбіемъ цѣлаго легіона вѣдомыхъ и невѣдомыхъ драматурговъ—ей, Маріи Савиной, вѣрно и тонкому чутью которой удивлялся самъ Тургеневъ!..

Но это послѣднее имя заставляетъ меня невольно подѣлиться еще однимъ счастливымъ воспоминаніемъ... воспоминаніемъ объ одномъ изъ нѣжныхъ образовъ, когда-либо созданныхъ Савиной—образѣ Вѣрочки въ комедіи Тургенева „Мѣсяцъ въ деревнѣ“. Этотъ трогательный образъ сейчасъ передъ моими глазами, какъ живой: симпатичная головка съ заплетенной косой и дѣтски-наивнымъ личкомъ, коротенькая институтская блуза съ бѣлымъ передничкомъ, въ рукѣ бумажный змѣй... Но на этомъ тонко-вырази-

тельномъ дѣтскомъ личикѣ, въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ, что идетъ пьеса, зритель могъ читать, какъ въ раскрытой книгѣ, всю исторію зарожденія и развитія первой дѣвической любви, цѣлю, такъ сказать, симфонію сокровеннѣйшихъ и нѣжнѣйшихъ чувствъ, таившихся въ глубинѣ непорочнаго сердца бѣдной Вѣрочки. И потомъ еще—трогательная подробность... Когда Вѣрочку-Савину, послѣ одного изъ актовъ, стали усиленно вызывать, она, раскланиваясь съ публикой, особенно выразительно и благодарно кивала влѣво, въ сторону литерной логи. Публика угадала въ чемъ дѣло и стала настойчиво вызывать „автора“... Мгновеніе—и, въ темнотѣ логи, показалась знакомая и дорогая сердцу каждого русскаго величественная сѣдая голова. Что тутъ произошло—трудно передать перомъ... Точно весенній радостный ливень хлынулъ въ сторону логи новый неистовый потокъ рукоплесканій, превратившійся, по окончаніи пьесы, въ настоящую бурю народнаго восторга—и въ этомъ чаду славы, въ общемъ дружномъ кликѣ нежданно слились во-едино два дорогихъ для роднаго искусства имени: Тургеневъ и Савина...

Что же такое, наконецъ, Савина?

Сравненіе ея съ г-жами Ѳедотовой, Ермоловой, съ г-жами Режанъ или съ Сарой Бернаръ—какое-де дѣлаютъ пные чудаки—никуда не годится. Всякому свое. Савина есть... только Савина: совершенно особое, самобытное явленіе, одинъ изъ тѣхъ поразительныхъ самородковъ, которыми изрѣдка насъ даритъ русская жизнь, и потому приѣмъ аналогіи здѣсь едва ли у мѣста—надо брать ее такъ, какъ она есть, со всѣми прихотливыми особенностями ея оригинальнаго дарованія. Главная особенность М. Г. Савиной—это необыкновенная жизненность, натуральность игры, игры какъ бы скрадывающей своимъ естественнымъ свѣтомъ искусственный отблескъ театральной рампы. Трудно представить себѣ игру болѣе реальную, болѣе простую и, въ то же время, болѣе изящную и художественную. Природный вкусъ (что уже есть само по себѣ половина таланта), необыкновенная грація въ движеніяхъ и выразительное до малѣйшихъ отблнквъ лицо, благодарно выкупаютъ несовершенство ея голосовыхъ средствъ и отсутствіе школьной выучки.

Послѣднее обстоятельство—косвенная причина того, что классическая трагедія („Офелія“, „Эмилиа Галотти“), не нашла въ ней усердной истолковательницы... Въ этомъ отношеніи, она вполне дитя нашего вѣка... Подобно Бальзаку, который откровенно признавался своимъ друзьямъ, что присутствіе въ галлерей Лувра живой парижанки куда для него интереснѣе лицезрѣнія Венеры Милосской—она предпочитаетъ изученію классическаго стиха и позы изученіе современной женщины въ ея разнообразнѣйшихъ и мельчайшихъ настроеніяхъ и отблнкахъ... Она „земная“, она наша... и странно было бы желать отнять отъ нея, ради чуждыхъ ей небесъ, драгоценный даръ страдать и смѣяться „за одно“ со своими современниками. Не имѣя подъ рукой болѣе подходящаго опредѣленія, я бы сказалъ здѣсь словами извѣстнаго романа Глинки:

„Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!..“

Слабая въ трагедіи, выдающійся талантъ въ драмѣ, въ комедіи, М. Г. Савина достигаетъ тѣхъ исключительныхъ вершинъ искусства, которыя возводятъ ея игру въ этой области на степень гениальности и заставляютъ признать ея дарованіе „комическимъ“ по преимуществу. Того же особаго мѣтніа держался, впрочемъ, и покойный А. Н. Островскій. Какой, подумаешь, завидный запасъ нетронутаго сценическаго богатства на самые отдаленные годы! Да, вотъ не-

обыкновенная артистка, которой нечего бояться даже старости, если только старость когда-нибудь осмѣлится коснуться ея счастливо-моложаваго чела.

Мнѣ какъ-то рассказывали такой случай изъ жизни М. Г.—Много лѣтъ тому назадъ, гдѣ-то въ провинціи—не помню, ради сценическаго фокуса или просто, можетъ быть, чтобы выручить товарищей по сценѣ,—юная Савина взяла на себя роль старой дѣвы, сплетницы, „Василисы Перегриновны“ въ извѣстной комедіи Островскаго „Воспитанница“, и произвела... неслыханный фуроръ.

Я охотно вѣрю этому характерному анекдоту. Чего, въ самомъ дѣлѣ, на свѣтѣ не бываетъ! И потому, мнѣ кажется, я не буду плохимъ пророкомъ, если скажу, что впереди М. Г. Савину ожидаютъ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СПЕКТАКЛЬ М. Г. САВИНОЙ.

«Провинціалка».

Набр. Н. П. Кравченко.

успѣхи еще болѣе блистательные и болѣе достойные ея комическаго генія, хотя, быть можетъ, по внѣшности, и не столь трескучіе.

О, да, болѣе великіе и несомнѣвые, какъ велико и несомнѣнно ея національное значеніе въ исторіи русскаго театра! Попавши съ восьмилѣтняго возраста на театральныя подмостки, объѣздивъ въ послѣдствіи чуть не полъ-Россіи, Савина, при своей огромной наблюдательности, собрала, такъ сказать, на своей художественной палитрѣ богатѣйшія краски и отблнки для обрисовки нашихъ русскихъ женскихъ типовъ, всякихъ типовъ, начиная съ покорно-самоотверженныхъ до подло-разнузданныхъ включительно... Кому же иначе, какъ не М. Г., предстоитъ оживить и расширить эту національную портретную галлерей, постыдно скудую и тусклою внѣ прикосновенія лучей истиннаго самороднаго таланта?...

Храни же ее, Господь, на радость и гордость нашего роднаго искусства!!

Иванъ Щегловъ.

Музыкальные замѣтки.

Седьмое симфоническое собраніе прошло подъ интереснымъ и вдохновеннымъ управленіемъ г. Виноградскаго, одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ симфоническихъ дирижеровъ. Публика встрѣтила его радушно. Для г. Виноградскаго, много потрудившагося на пользу родного искусства не только въ Россіи, но и за ея предѣлами — иного пріема и нельзя было предполагать.

Дирижерскій талантъ г. Виноградскаго давно уже обратилъ на себя вниманіе въ средѣ музыкантовъ. При солидномъ запасѣ научнаго образованія, г. Виноградскій съумѣлъ вполне постигнуть духъ авторовъ. Итъ нужды, что нервность дирижера настолько властвуетъ надъ нимъ, что заставляетъ забывать о пластикѣ, вѣроятно поэтому корпусъ его принимаетъ порой весьма неграціозныя позы. Но прошло время, когда въ концертѣ прѣзжали смотрѣть на грацію дирижера. Для истиннаго дирижера публика не существуетъ, а существуетъ лишь авторъ и его звуки. И для образованной публики едва ли могутъ представлять интересъ позы дирижера, стоящаго вдобавокъ спиной къ ней, а слѣдовательно, весьма мало ею занятаго.

Пасторальная симфонія Бетховена, открывшая концертъ, была исполнена въ высокой степени художественно. Слушатель пережилъ истинныя впечатлѣнія сельской жизни. Какъ извѣстно, Бетховенъ написалъ на поляхъ партитуры: «не описаніе, а скорѣе впечатлѣніе отъ природы» *). Съ другой стороны, извѣстно, что Бетховенъ никогда не кривилъ душой, а потому каждому слову его, дошедшему до насъ, можно вѣрить какъ свѣтлой правдѣ. Итакъ, это было «впечатлѣніе». Если внимательно вникать въ звуки этого великаго произведенія, то передъ слушателемъ съ поразительной яркостью, я скажу даже — съ настойчивостью возстаютъ картины сельской жизни. Это результатъ сильной впечатлительной натуры Бетховена. Слабая ко впечатлѣніямъ натура достигнуть подобнаго результата не въ состояніи.

Для эстетика это обстоятельство весьма важно. Если моменты творчества суть моменты яснаго созерцанія красоты, а самое творчество есть результатъ впечатлѣнія извнѣ, то при общности впечатлѣнія слушателя съ впечатлѣніемъ возникающимъ и общность въ пониманіи красоты. Вотъ почему совершенно вѣрно, что многіе нервные и чуткія натуры, чувствуютъ, какъ будто вокругъ нихъ шумятъ листья, поютъ птицы и вѣетъ лѣтній воздухъ, наносимый ароматами травъ и цвѣтовъ. Это не блаженство и не поза.

Къ счастью, между этой великолюбіной симфоніей и тяжеловѣснымъ Гамлетомъ Листа былъ сыгранъ концертъ Моцарта и сдѣланъ антрактъ. Слушатели не были оглушены немедленно ревомъ трубъ и бряцаніемъ тарелокъ.

Концертъ (es—dur) для скрипки съ оркестромъ Моцарта игралъ г. Марто. Я не скажу, чтобъ его исполненіе произвело сильное впечатлѣніе. Прежде всего этому препятствуетъ слабый тонъ скрипача, а затѣмъ и самый концертъ, не разчитанный на такую гигантскую валу, въ которой немисливо исполнять подобныя вещи, преслѣдующія исключительно виртуозность, быстроту пассажей и эффекты. Въ этомъ концертѣ нѣтъ глубокихъ мыслей и въ сущности говоря, онъ мало интересенъ, какъ номеръ концерта, такъ какъ техника современнаго Моцарта сильно ушла впередъ. Для другого номера г. Марто избралъ концертную сюиту Цезаря, Цицерона, Цинцината, Антоновича, Августовича, Аврелиевича, Кюи. Этого необычайнаго французскаго композитора должно быть положено отнѣтъ гдѣ Бетховенъ — называется просто Бетховенъ, даже не Ванъ и не Людовикъ, такъ же и Моцартъ и Берлиозъ и даже нашъ русскій Мусоргскій, просто такъ и прописанъ — Мусоргскій. Но авторъ Ратклифъ, Кавказскихъ и иныхъ пѣвниковъ прописанъ съ особымъ почетомъ «П. А. Кюи». Пусть онъ будетъ убаженъ въ маломъ, ибо для великаго онъ не созданъ! Произнесши столько хвалы по адресу Чайковскаго, можетъ ли онъ быть, самъ по себѣ, не малымъ? Впрочемъ, какъ французскій композиторъ онъ, конечно, не могъ понять русскую музыкальную силу. Въ концертной сюитѣ на ряду съ сугубой банальностью (финалъ). нѣчто въ родѣ тарантеллы) скучнѣйшей гармонизаціей и однообразнымъ употребленіемъ духовыхъ (въ I. II и III частяхъ) есть довольно мелодичныя мѣста въ каватинѣ, но къ сожалѣнію въ нихъ чувствуется несамостоятельность. Очевидно, это музыкальные пльнички. Сыгралъ г. Марто эту во всякомъ случаѣ благодарную сюиту хорошо и вызвалъ бурю аплодисментовъ. Тѣмъ не менѣе его игру назвать интересной можно лишь въ смыслѣ техники. Она страдаетъ сухостью и слабостью тона. Выборъ вещей тоже нельзя одобрить. Выходъ Марто сопровождалъ курьезъ. Есть авторы, которые весьма осторожно выходятъ на вызовы. Ils se font prier и очень даже долго. Но есть и иные, — тѣ высказываютъ моментально, чуть кто крикнетъ —

«МАКБЕТЪ».

Первая вѣдьма — г. Левашевъ.

Рис. С. С. Соломко.

Цицеронъ!, а Цицеронъ ужъ, смотришь, выпрыгнулъ и расклавивается. Совсѣмъ какъ куколка изъ нѣмецкихъ корбочековъ: чуть тронешь крышечку — куколочка ужъ и торчитъ. Такъ и г. Кюи, виноватъ. — г. «П. А. Кюи».

Гамлетъ Листа представляетъ довольно мало интереснаго. Ничего характернаго въ этомъ произведеніи нѣтъ и оно съ такимъ уже успѣхомъ можетъ быть названо хотя бы Макбетомъ, но разсматривая эту вещь съ точки зрѣнія музыкальной техники можно найти въ ней много красивыхъ оркестровыхъ эффектовъ и пріемы большого мастера.

Слѣдовавшій затѣмъ похоронный маршъ Берлиоза къ послѣдней сценѣ Гамлета, на мой взглядъ, совсѣмъ слабое произведеніе съ дешевыми эффектами и мелкими замыслами. Его почему-то заставили повторить. Chacun a son sort, впрочемъ.

«Ночь на Лысой горѣ» — г. Мусоргскаго заключила программу. Это одно изъ удачныхъ произведеній «сбитаго съ толку Мусоргскаго», было прекрасно проведено г. Виноградскимъ, къ сожалѣнію, публика въ большомъ количествѣ уже разошлась послѣ выхода г. Марто. Восьмое и послѣднее квартетное собраніе включило въ свою программу второй, 4-дурный квартетъ Бородина, который можно по справедливости вѣстѣ съ первымъ наименовать знаменитымъ. Нѣтъ кажется квартетнаго общества, которое бы не нашло его на своихъ программахъ. Дѣйствительно это великолѣпнѣйшая вещь! Достаточно уже небольшою партитурой этого квартета, чтобы поставить его автора въ рядъ крупныхъ дарованій и образованныхъ музыкантовъ. Прослушать такіе эпизоды 1-ой части, контрапунктискія кружева, вдохновеннѣйшую тему задумчиваго постигну доставляетъ всегда и всюду величайшее наслажденіе.

Сыгранъ квартетъ былъ очень хорошо. Квартетъ развивался плавно и увѣренно. Даже нога г. Ауэра на сей разъ работала очень умеренно, хотя все таки работала. Nostitno просили биссировать, и квартетисты сыграли послѣднюю часть. Отчего ужъ не послѣдній тактъ? Это было бы еще немзыкальнѣе.

Въ тріо Сень-Санса принялъ участіе молодой піанистъ г. Медемъ. Не знаю, отчего многіе негодуютъ на привлеченіе молодыхъ силъ къ участію въ камерныхъ вечерахъ. По мнѣ такъ это даже очень симпатично. И я всегда радъ увидѣть волнуемое лицо молодого артиста на эстрадѣ малой залы консерваторіи. Камерная музыка — это интимная сфера искусства и въ ней должно быть особенно понятно появленіе молодыхъ талантливыхъ людей. Камерная музыка проста и, скажу, прозрачна, такъ же, какъ и молодой талантъ. Г. Медемъ лауриатъ петербургской консерваторіи. Піанистъ онъ, безспорно, талантливый и общающійся въ будущемъ. Считать его теперь законченнымъ музыкантомъ преждевременно. У него есть

*) Mehr Ausdruck der Empfindung, als Malerei.

«Макбетъ».

Рис. С. С. Соломко.

пробѣлы—невыработанное ріано и отрывистость фразировки. Но игра его вдумчивая, серьезная и технически сильная. Г. Медемъ несравненно интереснѣе нежели г-жа Розанова, принявшая участіе въ предшествовавшемъ квартетномъ собраніи, и несравненно законченнѣе. На bis г. Медемъ игралъ съ большимъ подъемомъ «Тристана и Изольду» Вагнера-Листа и гораздо слабѣе Шопена, гдѣ и оказалось его невыработанное ріано.

Названное тріо Сень-Санса, насколько мнѣ помнится, у насъ еще не исполнялось. Мѣстами оно интересно, въ особенности въ первой и IV частяхъ, мѣстами совершенно безцвѣтно и слабо, а въ общемъ грѣшитъ растянутостью.

Въ заключеніе былъ сыгранъ квинтетъ для двухъ скрипокъ, алты и виолончели Шуберга, принадлежащій къ послѣднимъ его произведеніямъ.

Серія квартетныхъ вечеровъ текущаго сезона закончилась. Но нельзя сказать, чтобы эти восемь сеансовъ прошли блистательно и организація ихъ не оставляла бы желать ничего лучшаго. Публики бывало на сеансахъ сравнительно немного, въ особенности, если принять во вниманіе учащихся и безплатныхъ посѣтителей. Уже это обстоятельство указываетъ на существованіе нѣкоторыхъ недочетовъ. Прежде всего къ нимъ нужно отнести невнимательное отношеніе къ дѣлу участниковъ квартета—нерѣдко приходилось публикѣ сидѣть и слушать чуть что не чтеніе à livre ouvert, подъ топаніе г. Ауэра (квартетъ Чайковского, квинтетъ Брамса, квартетъ Моцарта). Затѣмъ вмѣсто Свендсена, Грига и скучноватаго Брамса можно было бы дать публикѣ русскихъ композиторовъ. Для Россіи важна прежде всего русская музыка во всѣхъ ея разновидностяхъ, а въ особенности въ образахъ ея лучшихъ мастеровъ.

18 января въ залѣ Кредитнаго Общества давала свой концертъ г-жа Терминская, одна изъ блестящихъ ученицъ покойнаго Рубинштейна. Концертанка года три отсутствовала въ Петербургѣ, проживая, если не ошибаюсь, въ Тифлисѣ. На концертъ талантливой артистки собралась довольно многочисленная публика, которая и убѣдила ее, что старая симпатія въ Петербургѣ держится прочно. Программа концерта была разнообразна и интересна. Игра г-жи Терминской все та же, что и была. Та же выразительная и интересная передача авторскихъ замысловъ, та же сила и прекрасная техника. Надо надѣяться, что г-жа Терминская дастъ возможность еще себя послушать.

Б. М. Соловьевъ.

Режиссерскій отдѣлъ.

(Подъ редакціей Ю. Э. Озаровскаго).

21. *Объ исполненіи на сценѣ монолога.* Начиная съ опредѣленія и кончая способомъ перелачи, монологъ трактуется обыкновенно нашими актерами совершенно невѣрно. Подъ именемъ монолога большинство актеровъ разумѣтъ не думу дѣйствующаго лица, т. е. интимное обсужденіе того или иного явленія, не даже простую не сложную мысль или пробѣжавшее настроеніе, могущія вылиться въ самую незначительную по размѣрамъ фразу, вроде: „Судья—хорошій человѣкъ!“ („Ревизоръ“—IX, 3), но болѣе или менѣе продолжительную рѣчь, тираду, безъ отношенія къ тому, произносится ли она дѣйствующимъ лицомъ передъ слушателемъ на сценѣ или безъ него... Актеры сплошь и рядомъ говорятъ: „монологъ вранья Хлестакова“, „монологъ Чацкаго“:—„А судьи кто?“ и проч. забывая о томъ, что и Хлестаковъ и Чацкій произносятъ свои тирады передъ дѣйствующими же лицами. Нечего послѣ этого удивляться, что и способъ сценической передачи монолога въ нашемъ драматическомъ искусствѣ является далеко не совершеннымъ. Сплошь и рядомъ, скажу прямо, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, монологъ (въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. отрывокъ изъ роли, излагающій внутренній міръ дѣйствующаго лица передъ нимъ самимъ) произносится точно такъ же, какъ обыкновенная тирада, обращенная къ слушателю: текстъ тонируется съ той же силой, также явно, иллюстрируется мимикой и жестикуляціей такой-же опредѣленной и обильной, какъ еслибы этотъ монологъ представлялъ рѣчь, обращенную въ бесѣдѣ къ слушателю. Я даже затрудняюсь назвать кого-либо среди русскихъ драматическихъ артистовъ, кто-бы умѣлъ мастерски передавать монологъ. И только среди иностранцевъ—двое: нѣмецъ Клейнъ и италіанецъ Маджи могутъ похвастать дѣйствительно виртуозной передачей той условной формы, противъ которой иными изъ современныхъ драматурговъ ведется ожесточенная война. Особенно поражаетъ въ этомъ отношеніи Клейнъ. Едва остался онъ на сценѣ одинъ, едва наступилъ моментъ, когда рѣчь его должна рисовать внутренній міръ дѣйствующаго лица передъ нимъ самимъ, какъ тонъ, мимика и жестикуляція артиста замѣтно видоизмѣняются въ своей выразительности: рѣчь вмѣсто трезвона, явнаго характера, обращаемого къ собесѣднику слова, приобретаетъ интимный, сосредоточенный колоритъ думы; мимика, оставаясь по прежнему психологически вѣрной и опредѣленной, словно подергивается налетомъ скрытности, жесты становятся мельче и призываются артистомъ къ иллюстраціи монолога значительно рѣже. Если заставить себя забыть, что артистъ декламируетъ, вся фигура, общій видъ его и манера держать себя дадутъ полную иллюзію чело-

Леди Макбетъ.

Рис. С. С. Соломко.

вѣка именно *размышляющаго*, а не бесѣдующаго,—человѣка, находящагося хотя и передъ тысячной толпой, но въ сущности наединѣ съ самимъ собою, а не наоборотъ—виѣще-одинокаго, но на самомъ дѣлѣ бесѣдующаго съ своей аудиторіей...

Нечего добавлять при этомъ, что Клейнъ никогда не исполняетъ монолога, устремивъ свой взоръ въ публику: онъ всегда направленъ у него или на какой-либо вещественный предметъ, или же, что называется, въ себя.

Неизгладимое впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ производило на меня также исполненіе трагикомъ Маджи знаменитаго Гамлетовскаго монолога „быть или не быть?“.—Неизгладимое не въ смыслѣ совершенства замысла (замыселъ этого монолога, какъ и всего образа Гамлета, мнѣ не представляется у Маджи образцовымъ), но въ смыслѣ художественной передачи эстетическихъ условій монолога.

Впродолженіи всего почти монолога Маджи не измѣняетъ ни позы, ни жестовъ: какъ сейчасъ вижу его сгорбленную фигуру, повоинующую въ креслѣ съ корпусомъ, наклонившимся надъ козлыми и первично сжатыми, изрѣдка вздрагивающими руками.

Хотя отдѣльныя фразы монолога получали въ декламациі Маджи яркую и подчасъ очень экспрессивную обрисовку, тѣмъ не менѣе общій характеръ этой декламациі прекрасно изобличалъ дузу скорбящаго принца, а все исполненіе сцены являло блестящій примѣръ искусной и высокоинтеллигентной передачи монолога.

Ю. О.

22. Объ „а parte“. Какъ неудовлетворительно у нашихъ актеровъ исполненіе монолога, такъ несовершенна передача ими отдѣльных замѣчаній дѣйствующихъ лицъ, обращающихся или не къ партнеру, а къ самому себѣ, и называющихся на языкѣ драматурговъ рѣчами „въ сторону“ или „а parte“. Впрочемъ, иначе не могло бы и быть, такъ какъ каждое „а parte“ представляетъ въ сущности небольшой монологъ въ томъ смыслѣ, какъ это было установлено выше... Но исполненіе такого монолога со сцены еще труднѣе, ибо приходится вести его, хотя и по адресу самого изображаемаго дѣйствующаго лица, но въ присутствіи другого. Правда, сценическая рутинка создала выходъ изъ этого груднаго положенія: актеръ безъ долгихъ церемоній отворачивается отъ партнера именно „въ сторону“, и разсмѣется при этомъ, въ сторону публики (она вѣдь тогъ единственный магнитъ, который оказываетъ такое притягательное вліяніе на все сценическое поведеніе актера!) и, ничто же сумяшеся преподноситъ зрителю фразу „а parte“. Не правда-ли, это такъ естественно?!

Не правда-ли, когда вы говорите съ кѣмъ-нибудь, и вдругъ у васъ промелькнетъ въ моментъ разговора мысль или настроеніе, которое вы не находите нужнымъ или возможнымъ огласить передъ вашимъ собесѣдникомъ, вы всегда отворачиваетесь въ сторону?! Идти, скорѣй въ моментъ вашей рѣчи, если она не является твердой и увѣренной по содержанію и тону, вы отведете глаза, а то и повернете голову—въ сторону, но ни въ коемъ случаѣ не отвернетесь отъ партнера въ моментъ молчаливаго раздумыванія, ибо этихъ пріемовъ вы заставите себя немедленно огласить свои мысли, такъ какъ тотчасъ же со стороны вашего собесѣдника послѣдуетъ вопросъ „о чемъ вы думаете?..“

Слѣдовательно, при передачѣ „а parte“ актеръ долженъ пускаться въ ходъ тѣ-же пріемы, что и при передачѣ монолога: сравнительно пониженный, какъ-бы пооблекшій, тонъ, мимика „одинокатаго бытія“, почти полная неподвижность жеста...

Яркимъ образчикомъ художественной передачи сценическихъ „а parte“ является артистъ петербургской сцены В. Н. Давыдовъ. Всякій актеръ, исполнившій роль гоголевскаго городничаго, прекрасно знаетъ, какія трудности представляютъ тѣ многочисленныя „а parte“, какими изобилуетъ сцена городничаго съ Хлестаковымъ во II-мъ дѣйствіи комедіи—въ трактирѣ, когда городничій на реплики Хлестакова о томъ, что онъ не имѣетъ никакого желанія идти въ тюрьму, мысленно возражаетъ замѣчаніями, вроде: „О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробоватъ. Куда ни шло. Попробоватъ на авось“.

Тѣмъ не менѣе г. Давыдовъ превосходно разрѣшаетъ всѣ трудности этой сцены крайне жизненнымъ, нисколько не основывающимся на пресловутыхъ сценическихъ традиціяхъ пріемомъ: всѣ почти замѣчанія „въ сторону“ онъ говоритъ, глядя Хлестакову въ глаза—почти въ упоръ.—Но тонъ и мимика, съ какими артистъ произноситъ слова, такъ полны много размысленія надъ личностью и словами Хлестакова, что у зрителя сохраняется полная иллюзія „а parte“ замѣчаній городничаго.

Ю. О.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отвѣтъ 8 (В. Ф. Романову—въ Вяткѣ). 2-ая книга „Вопросовъ выразительнаго чтенія“ выйдетъ въ свѣтъ предстоящимъ постомъ.

Отвѣтъ 9 (тому-же лицу). Библиографія драматическаго искусства пока открытій вопросъ въ нашей литературѣ. Можно указать только отдѣльныя попытки въ этомъ родѣ. Напримѣръ, „Обзорныя литературы по театру и музыкѣ за 1889—1891 гг. (Библиографическій очеркъ)“. И. М. Лисовскаго—Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1891—92 гг. (второй годъ). Довольно цѣпныя указанія даютъ также библиографическіе труды В. И. Межова. Ввиду важности возбужденнаго Вами вопроса редакція отдѣла помѣститъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№-овъ „примѣрный каталогъ книгъ по драматическому искусству для русскаго актера“.

Отвѣтъ 10-й (тому-же лицу). По интересующему Васъ вопросу лучше всего спешить. Взявъ съ авторомъ статей „Театральныя ошибки“—артистомъ Императорскихъ Московскихъ театровъ, Дмитріемъ Викторовичемъ Гаринымъ-Виндигомъ. (Москва. Малый театръ). Ю. О.

Отъ редакціи отдѣла. Вопросы и замѣтки, обращаемые для напечатанія въ почтовомъ ящикѣ, слѣдуетъ направлять по адресу журнала (СПБ.—Моховая, 45), съ помѣткою: „въ режиссерскій отдѣлъ“.

Угасшій звукъ

(Разсказъ).

(Окончаніе *).

Мы шли нѣкоторое время молча. Онъ погрузился въ тяжелую думу, и я не хотѣлъ нарушать его печали. Но черезъ пять минутъ мы уже достигли главныхъ воротъ кладбища. Запахло кипарисами. Тонкіе и стройные, почти черные въ эту лунную ночь, точно облаченные въ длинныя траурныя мантии, кипарисы, уныло стояли на часахъ у входа въ городъ мертвыхъ, въ то священное поле, откуда никто никогда еще не возвращался. И этотъ блѣдный свѣтъ луны, сіявшей съ темнаго звѣзднаго неба, бросалъ на обширное кладбище свои лучи, серебряныя колонны и углы, неожиданно выступавшіе изъ тьмы, и покрывая черными, прозрачными тѣнями остальное пространство.

Мой спутникъ постучалъ въ ворота.

Долго ничего не было слышно въ отвѣтъ.

Наконецъ, послышались тяжелые шаги, и чей-то голосъ проноралъ:

— Кладбище заперто.

Но мой спутникъ громко сказалъ привратнику:

— Это я, Джузеппе. Отворите и получите, что вамъ слѣдуетъ.

Ворота отворились. Привратникъ узналъ своего постоянного гостя. Меня онъ не хотѣлъ пропускать, но по настоянію моего товарища, который увѣрилъ его, что я его другъ, пропустилъ и благополучно опустилъ въ свой карманъ лиру, которую я заранѣе приготовилъ.

Макбетъ.

Король Дунканъ.

Оригинальный рисунокъ С. Панова.

— Такъ это вы, синьоръ, говорилъ онъ моему спутнику:—давненько вы не бывали... Развѣ уѣзжали?

— Уѣзжалъ.

— Искали художника?

— Да.

— Нашли?

— Нѣтъ, Джузенне.

— Итакъ, наша синьора все еще останется безъ памятника!

— Повидимому.

— Неужели же у насъ нѣтъ хорошихъ скульпторовъ!—обидчиво произнесъ старый привратникъ.—А Сассомалпо, а Pietro?... Развѣ не хорошъ „Сонъ“—перваго и „Двѣ Сестры“—второго?

— Очень хороши, Джузенне, но это не то, что нужно...—мнѣ, по крайней мѣрѣ.

Старикъ заворчалъ и, гремя ключами, ушелъ въ свою каморку.

Мы вступили подъ аркады. Жуткое, странное чувство овладѣло мною. Прямо передо мною, среди обширнаго сада кипарисовъ, у подножья которыхъ пріютились безчисленныя могилы, освѣщенные простыми бѣлыми мраморными крестами, на высокомъ пьедесталѣ подымалась гигантская фигура мраморнаго Ангела смерти, съ золотымъ ореоломъ вокругъ головы и крестомъ въ рукахъ. Онъ какъ будто сторожилъ этотъ громадный городъ мертвыхъ, вокругъ котораго тянулись по четыремъ сторонамъ длинныя и широкія галлерей. По обѣимъ сторонамъ этихъ галлерей покоились подъ грандіозными и великолѣпными памятниками тѣ, которые назывались когда-то людьми и которые теперь только тѣни... Безмолье и мракъ царили подъ аркадами. Темныя полосы тѣни чередовались на мраморномъ полу съ яркими полосами луннаго свѣта. Мраморныя фигуры точно рвались изъ тьмы, и можно было подумать, что въ нихъ воплотились души усопшихъ, пробудившіяся въ эту дивную лунную ночь и рѣшившіяся

тайкомъ отъ людей пройти по аллеямъ ихъ каменнаго города. И только наше неожиданное и дерзкое присутствіе приковало ихъ къ холоднымъ мраморнымъ пьедесталамъ и гробницамъ. На кладбищѣ было тепло; густой запахъ кипарисовъ кружилъ голову.

Влѣво отъ меня какой-то монахъ въ длинной бѣлой одеждѣ, подпоясанный веревкой, наклонивъ совершенно лысую голову, читалъ молитвы, держа книгу въ обѣихъ рукахъ. Длинная бѣлая до пояса борода его, освѣщенная луною, казалась серебряною, и весь онъ походилъ на привидѣніе.

— Это статуя, сказалъ мнѣ спутникъ, взглянувъ на меня и улыбнувшись моему испугу. — Пойдемте дальше, я вамъ покажу могилу Дездемоны.

Мы шли долго, пройдя уже двѣ галлерей. Бѣдняга шелъ быстро, низко опустивъ голову, не глядя по сторонамъ, слѣша туда, гдѣ былъ погребенъ его художественный идеалъ и его любовь.

И вдругъ я увидѣлъ, что онъ опускается на колѣни и закрываетъ лицо руками. Безмолвныя, судорожныя рыданія потрясаютъ его тѣло, тихій стонъ вырывается изъ груди:

— Дездемона... Дездемона... Дездемона.

Я снялъ шляпу. Передо мною высилась черная мраморная плита, въ нишѣ которой долженъ быть помѣщенъ памятникъ. Но памятника не было. Скромный бѣлый мраморный крестъ стоялъ на полу галлерей, и на крестѣ я прочелъ лаконическую надпись

Desdemona Manbrini.
Morta il 18 Majo 18..
Q. R. P.

Наконецъ этотъ удрученный горемъ человѣкъ, этотъ больной душою художникъ всталъ и сказалъ мнѣ:

— Пойдемте.

Я послушно отправился за нимъ. Въ свѣтлыхъ

промежуткахъ галлерей я глядѣлъ на его страшно блѣдное, страшно печальное лицо. Но мало-по-малу грусть его проходила, то-есть та жгучая грусть, которая поразила меня. Теперь на его лицѣ лежала меланхолическая, спокойная улыбка, и я рѣшился заговорить съ нимъ.

— А что же памятникъ на могилѣ Дездемоны?

— Его нѣтъ... тихо отвѣтилъ онъ.

— Это я видѣлъ... но почему же?

— Господи! взволнованно произнесъ онъ. — Вы спрашиваете—почему?! Пойдемте, — почти сурово сказалъ онъ,—глядите!—Онъ указывалъ мнѣ на памятникъ.—Вы видите—вотъ молодой человѣкъ въ модныхъ когда-то брюкахъ, съ раструбомъ у ступни, съ безобразнымъ кошелькомъ въ рукѣ, въ коротенькомъ сюртукѣ; противъ него дама въ кринолинѣ, и у нея на щекѣ слеза въ видѣ горошины. Видите?

Луна освѣщала этотъ памятникъ, и я отлично видѣлъ все, что онъ мнѣ показывалъ.

— Развѣ это не достаточно безобразно? А этотъ? — перешелъ онъ дальше.—Эта дама, заглядывающая подъ крышу гроба? А этотъ господинъ въ пиджакѣ, стоящій противъ дамы въ кружевной мантильѣ, каждый у своей чугунной двери. А еще этотъ господинъ на высокихъ каблучкахъ и въ короткихъ брючкахъ... А эти слезы у старушки въ видѣ двухъ горошинъ или двѣ горошины въ видѣ слезъ? Я не знаю,—раздражительно проговорилъ онъ,—кто это можетъ находить прекраснымъ? Только иностранцы, лишенные вкуса или считающіе долгомъ восхищаться этой святоотечественной дребеденью. И всѣ бѣгутъ на Санро-Санто, и всѣ вздыхаютъ: „ахъ, неподобно, ахъ, сколько идеи и чувства!“ А по моему—это безобразіе,—это профанация, это насмѣшка, если бы можно было допустить насмѣшку въ такомъ мѣстѣ. Это не реализмъ и не модернизация, это... это... полное безвкусіе. Неужели и вы восхищаетесь всѣмъ этимъ? И замѣтите—работа обыкновенно хороша, но идея, идея!.. Художники не виноваты. Виноваты заказчики—эти генуэзскіе богачи-коммерсанты, лишенные чувства изящнаго и чувства мѣры,—этого мѣрила взего истинно художественнаго. Сколько здѣсь погребено кумировъ, и каждому кумиру воздвигается безвкусное, но зато богатое. Генуя издавна славилась своими торговыми оборотами, и долголѣтняя всемірная торговля выродила этихъ природныхъ художниковъ въ истинныхъ коммерсантовъ съ причудливою фантазіей, съ тщеславной гордостью толсто-сумовъ и съ извращеннымъ вкусомъ. А художники—потрафляютъ. Такъ что-жъ, неужели и мнѣ заказать памятникъ Дездемонѣ въ такомъ вкусѣ? Пройдите всѣ галлерей, много-ли вы найдете истинно художественныхъ произведений? Вотъ развѣ тотъ монахъ, что испугалъ васъ... да и то, что же это за идея? Или вотъ еще эта бѣлая женщина у бронзовыхъ дверей, держащая въ рукахъ три головки мака—тотъ сонъ, о которомъ говорилъ старикъ Джузеппе. Врядъ-ли наберется десятковъ! Нѣтъ, нѣтъ, не о такомъ памятникѣ я мечталъ! Вѣрьте, я обошелъ многихъ художниковъ и объяснилъ имъ свою идею, и никто не далъ мнѣ даже намека, что могъ бы исполнить то, о чемъ я не перестаю думать.

— А вы сами?

— Я? приостановившись отвѣтилъ онъ. — Я не могу!—и грустная, грустная нота зазвучала въ его голосѣ.—Со мной кончено! Неужели вы не понимаете меня? Умерла она,—умерла моя идея. Я уже давно, съ самой ея смерти, рѣшительно и сознательно отказался отъ своего искусства. Я не могу работать. Я знаю, знаю, — съ ожесточеніемъ проговорилъ онъ, — вы скажете то, что всѣ обык-

новенно говорятъ въ такихъ случаяхъ: это малодушіе, это дрянность натуры — и тамъ, я не знаю, еще что. Съ презрѣніемъ относятся къ такимъ людямъ, которые приходятъ въ отчаяніе отъ смерти любимой женщины и не могутъ найти примѣненія своимъ способностямъ и силамъ, какъ будто весь смыслъ жизни въ одной женской любви! Ахъ, знаю я это наизусть и слышалъ много разъ. Но, во-первыхъ, ни одинъ изъ этихъ бодрыхъ людей, такъ презрительно относящихся къ женской любви, не могъ мнѣ отвѣтить на вопросъ, въ чемъ же, вообще, онъ видитъ смыслъ жизни; а во-вторыхъ, я вовсе не пришелъ въ отчаяніе и бросилъ работу, потому что не вижу смысла жизни. Если бы я пришелъ въ отчаяніе—я бы не разговаривалъ съ вами здѣсь, потому что единственный выходъ изъ настоящаго отчаянія только одинъ—смерть. Но я всегда понималъ глубокое человѣческое горе, всегда понималъ, какое великое мѣсто въ жизни человѣка занимаетъ женщина и какъ тяжело отзывается потеря дорогого существа. Но я не одну любимую женщину потерялъ—я потерялъ свой художественный идеалъ, котораго искалъ такъ долго, такъ упорно... Иногда, ночью, я просыпаюсь отъ испуга: я вижу передъ собою группу „Угасшій звукъ“ такъ ясно, такъ отчетливо... Я вскакиваю съ постели, кидаюсь къ столу, просиживаю до утра въ страстной, опьяняющей работѣ и... утромъ вижу нѣчто такое безобразное, такое безвкусное, такое странное... что мнѣ начинаетъ казаться, что голова у меня не въ порядкѣ...

И вдругъ, близко нагнувшись ко мнѣ и зорко посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, этотъ странный человѣкъ тихо, испуганнымъ голосомъ спросилъ:

— А вамъ... это не кажется? Я вѣдь не сказалъ ничего такого особеннаго... страннаго?

— Нѣтъ же, нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ! горячо отвѣтилъ я, выдерживая его взглядъ, показавшійся мнѣ, все-таки, страннымъ, быть можетъ, отъ того, что луна клала на него свои яркіе блики.

— Ну, вотъ видите, уже бодрѣе проговорилъ онъ.—И потомъ еще знаете что?..

Онъ остановился въ раздумьи, точно не рѣшаясь высказать мысль, которая только что пришла ему на умъ.

— Я не хочу ставить памятника Дездемонѣ, — продолжалъ онъ. — Не хочу, не хочу! Мнѣ будетъ казаться, что я придавилъ ее массою мрамора. что я навсегда замуровалъ ее въ могилѣ...

Я безпокойно взглянулъ на него. Въ глазахъ его горѣлъ какой-то странный огонекъ.

— А такъ мнѣ кажется, что она на время ушла отъ меня и опять скоро вернется ко мнѣ... Да, да, я почти увѣренъ въ этомъ. Художественная идея не умираетъ, не можетъ умереть... Она должна, должна, должна вернуться... И тогда будетъ на свѣтѣ однимъ великимъ произведеніемъ больше!..

Онъ зашагалъ впередъ, не обращая на меня болѣе вниманія и не произнося ни слова до самаго выхода изъ кладбища.

Я тоже молча шелъ за нимъ. Мнѣ сдѣлалось какъ-то тоскливо и жутко отъ этой странной рождественской ночной прогулки. Вокругъ меня высились эти мраморные призраки, точно вышедшіе изъ земли, точно купающіеся въ морѣ луннаго свѣта, эти мраморныя воплощенія людскаго тщеславія, гордости, горя и печали. А сзади гигантскій Ангелъ смерти съ высоко поднятымъ престомъ удерживалъ этихъ выходцевъ на ихъ вѣковыхъ мѣстахъ, въ этихъ каменныхъ галлерейхъ, подъ тяжелымъ холоднымъ мраморомъ гробницъ.

Я радъ былъ, когда мы вышли изъ города мерт-

выхъ; запахъ ирисовъ и кипарисовъ еще долго преслѣдовалъ меня, даже среди ночи, когда я просыпался отъ тревожнаго сна.

Мой хозяинъ молча дошелъ со мной до дому; мы больше не обмѣнялись ни словомъ.

Утромъ я долженъ былъ уѣхать, но не могъ поблагодарить хозяина за гостепріимство, потому что Джакомо передалъ мнѣ извиненіе своего господина, вмѣстѣ съ объясненіемъ, что онъ съ восходомъ солнца ушелъ пѣшкомъ далеко за городъ по дѣлу.

Мнѣ подали завтракъ, послѣ котораго я уѣхалъ изъ Генуи.

В. Свѣтловъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Идея такъ-называемой «свободной» сцены, съ легкой руки Антуана, обошла Европу, повсюду потерпѣла болѣе или менѣе значительное фіаско и, наконецъ, возродилась въ Лондонѣ, въ тѣсномъ кружкѣ, группирующемся вокругъ талантливейшей исполнительницы ибсеновскихъ женскихъ ролей, миссъ Елисаветы Робинсъ, которая и является во главѣ этого новаго движенія, направленного къ возрожденію англійской сцены. При состояніи современной англійской литературы трудно ожидать, чтобы это движеніе принесло сколько нибудь полезныя результаты: въ Лондонѣ около сорока театровъ, и всѣ они постоянно полны; лондонская постановка отличается такой тщательностью и изяществомъ, которая слѣдла бы честь даже мейнингенцамъ и вообще довольно рѣдко встрѣчаются въ остальной Европѣ и при всемъ томъ Лондонъ нельзя назвать «театральнымъ городомъ», потому что онъ не даетъ никакого тона текущей драматической литературѣ.

Въ этомъ сходятся между собой всѣ цѣнители и судьи современнаго англійскаго театра, — какъ его друзья, такъ и люди совершенно къ нему равнодушные. Нѣкоторые критики, особенно французскіе, идутъ дальше и увѣряютъ, что англійскаго театра, собственно говоря, вовсе нѣтъ, а есть только англійскіе переводы и компіляціи чуждаго добра. Конечно, такое мнѣніе слишкомъ преувеличено; но если бы даже оно было вѣрно, то и тогда слѣдовало бы объяснить, въ силу какихъ же именно причинъ, — психологическихъ, эстетическихъ, общественныхъ, — нація, которая произвела Шекспира, въ то время, когда она состояла всего изъ трехъ миллионѣвъ чело-вѣкъ, теперь, когда она стала неизмѣримо многочисленнѣе и властно появилась во всѣхъ частяхъ свѣта, оказывается уже не въ состояніи произвести что нибудь, кромѣ клоуновъ и танцовщицъ?

Такой вопросъ былъ бы вполне уместенъ лѣтъ тридцать тому назадъ, но совсѣмъ неумѣстенъ въ наше время: англійскій театръ несомнѣнно существуетъ и развивается, хотя очень медленно и нерѣшительно.

Ю. М.

Новая опера Пуччини (автора оперъ «Мавонъ Леско» и «Богемы») «Тоска», написанная на сюжетъ драмы Сарду и поставленная въ Римѣ на сценѣ Constanzi-театра, имѣла значительный успѣхъ, если вѣрить заграничнымъ газетамъ, которымъ, вообще, слѣдуетъ довѣрять съ осторожностью.

Въ берлинскомъ филармоническомъ собраніи на-дняхъ состоялся вечеръ, посвященный Глинкѣ; ставились отрывки изъ оперы «Русланъ и Людмила». Дирижировалъ Николай Казанли. Заграничная печать отнеслась въ общемъ довольно отрицательно къ знаменитому творенію Глинки.

Авторъ «Паяцовъ», Леонкавалло, написалъ по желанію императора Вильгельма II оперу, подъ названіемъ «Берлинскій Роландъ».

Намъ пишутъ изъ Праги. Въ театрѣ бар. Шванды идетъ «Чайка» г. Чехова. «Похожденія Пиквики» г. Нотовича, вѣроятно пойдутъ на сценѣ Національнаго театра. На той же сценѣ съ огромнымъ успѣхомъ даютъ «Потонувшій колоколъ» Гауптмана.

D-r Boris Prusik.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

НІЕВЪ. На-дняхъ была поставлена еще одна новинка — «Идиотъ». Идиота — князя Мышкина игралъ — Аполлону все позволено — г. Соловцовъ; Настасью Филипповну — г-жа Глѣбова, Парвена — г. Скуратовъ, генерала Иволгина — г. Степановъ.

Праздничный репертуаръ состоялъ изъ «Измаила», выдержавшаго у насъ 32 представленія, «Нищихъ духомъ», «Ревизора», «Заката» «Madame Sans-Gêne (въ шестидесятый разъ)», «Царь Оедоръ» (10 разъ), «Маріанна», «Идиотъ», закончился 1899 г. «Блестящей карьерой». Новый годъ, открывшійся старой пальероновской пьесой — «Обществомъ поощренія скуки», принесъ съ собой «Памелу», которую г-жа Глѣбова поставила въ свой бенефисъ. Бенефициантка — Памела была поистинѣ «героиней» торжества. Бержеренъ въ исполненіи г. Скуратова былъ очень интересенъ; роль Барраса г. Недѣлинъ провелъ хорошо. Ближайшей новинкой пойдетъ «Зазз».

Кіевское-литературно-артистическое общество исполволь начинать проявлять литературно-артистическую дѣятельность: еженедѣльно «въ общество» читаются рефераты, ведутся литературныя бесѣды, чтенія, устраиваются литературныя и музыкальныя вечера, отъ времени до времени даются даже спектакли; такъ, недавно членами общества была исполнена Прологъ «Псковитянки» и сыграно «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Драматическое искусство въ послѣднее время у насъ очень процѣтаетъ среди любителей. Не считая многочисленной арміи «случайныхъ» любителей драматическаго искусства, у насъ теперь существуетъ 12 организованныхъ кружковъ, играющихъ и на клубныхъ сценахъ, и на подмосткахъ общедоступнаго театра въ контрактномъ домѣ и на окраинахъ города въ народныхъ театрахъ (чайныхъ). О степени развитія у насъ «любительства» свидѣтельствуя статистическія данныя: въ теченіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ любителями было дано 180 спектаклей. Среди частныхъ сценъ, на которыхъ подвизаются любители, наибольшее значеніе имѣетъ «общедоступный» театръ Кіево-подольской комиссіи попечительства о народной трезвости въ контрактномъ домѣ. Комиссія успѣла дать дѣлу общедоступныхъ спектаклей опредѣленную организацию и ввести въ репертуаръ извѣстную систему; кромѣ того — театръ Кіево-подольской комиссіи имѣетъ въ своемъ распоряженіи болѣе приспособленное для сценическихъ представленій помѣщеніе, чѣмъ клубные театры и жалкіе подмостки въ народныхъ чайныхъ. Къ тому-же сформированная труппа любителей общедоступнаго театра успѣла уже сыграть и заслужить довѣріе своей публики. Обыкновенно спектакли даются здѣсь два раза въ недѣлю, но во время рождественскихъ праздниковъ почти ежедневно ставились здѣсь спектакли; съ 26-го декабря по 4-ое января состоялось три вечера и шесть драматическихъ представлений: «Черезъ край», «Доходное мѣсто», «Рабочая слободка», «За двома зайцами» (ком. съ танцами и спивами), «Гдѣ любовь, тамъ и напасть» и «Назаръ Стодоля».

Изъ исполнителей нѣкоторые не лишены дарованія и качествомъ игры не уступаютъ профессиональнымъ артистамъ. Нѣкоторые же изъ нихъ превзошли даже артистовъ... въ своемъ самолюбіи; такъ недавно г. В. — любитель изъ «общедоступнаго» театра, считая свое исполненіе «недоступнымъ» пониманію и оцѣнкѣ простыхъ смертныхъ, набросился съ палкою въ рукѣ на рецензента мѣстной газеты, дерзавшаго дать не совсѣмъ одобрителный отзывъ объ игрѣ г. В. Любитель кулачной расправы, возомнившій себя великимъ артистомъ, удаленъ изъ труппы. Недавно при кіевскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Ю. З. Ж. Д., по примѣру нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ, организованъ общедоступный театръ для служащихъ и рабочихъ. Для этой цѣли отведенъ просторный баракъ, ассигнована небольшая сумма денегъ на устройство сцены и оборудованіе театра. Исполненіе ролей поручается желѣзнодорожнымъ служащимъ. Нельзя не пожелать, чтобы это полезное начинаніе процвѣтало и развивалось.

19-го декабря въ торжественномъ залѣ университета св. Владимира открылась XXVII передвижная выставка картинъ. Кіевское товарищество художественныхъ выставокъ экспонируетъ въ новомъ зданіи музея общества древностей и искусства произведенія своихъ членовъ. Первое мѣсто въ количественномъ и качественномъ отношеніи занимаетъ г. Котарбинскій. На выставкѣ принимаютъ участіе гг. Платоновъ, Менкѣ, Галинскій, Мурашко, Вжешъ, Крюгеръ, Рашевскій, временно и скульпторы — г-жа Нестельбахъ и Лазовскій.

По случаю годовщины смерти Николая Петровича Рошина-Инсарова 8-го января была совершена панихида. На кладбищѣ, у могилы безъ времени погибшаго славнаго артиста собрались артисты драматическаго театра и малорусской труппы, любители, знакомые и почитатели покойнаго.

Съ прискорбіемъ отмѣчаемъ, что надъ могилой незабвеннаго Николая Петровича до сихъ поръ не поставленъ памятникъ.

Р-ичъ.

ТРОИЦКЪ. Въ Троицкѣ въ текущемъ году находится русская драматическая труппа, подъ управленіемъ г. Соколова и режиссерствомъ г. Бронина.

Театральный сезонъ открытъ 22 октября драмой «Цѣна жизни». Черезъ мѣсяцъ репертуаръ, увы, круто измѣнился въ сторону фарса и легкой комедии.

Дѣла труппы идутъ не важно и, повидимому, въ убытокъ. Но жалованье актеры получаютъ очень исправно и безъ всякой задержки. Причина печальнаго положенія театрального дѣла кроется не въ самой труппѣ, а зависитъ отъ особенностей нашего города. Троицкѣ—городъ чисто азиатскій. Изъ 26 тыс. жителей—татаръ. minimum 13 тысячъ. Остальные 13 тысячъ состоятъ изъ земледѣльцевъ, прасоловъ, купечества и, наконецъ, чиновниковъ.

Татары въ театрѣ, за самыми рѣдкими исключеніями, не ходятъ, и посѣтителами театра являюся почти исключительно чиновники. Прочіе театромъ не интересуются. Не мудрено, поэтому, что у насъ драматическая труппа всегда прогорала.

Г. Соколовъ началъ ставить драму—«для интеллигенціи»—какъ онъ говорилъ. Интеллигенція не ходитъ.

Спросите, почему не ходитъ?

— Помилуйте, отвѣчаютъ вамъ—все нытье и нытье!

Что дѣлать — надо актерамъ жалованье платить! Начали ставить фарсы. Опять не ходятъ. Почему?

— Помилуйте—все фарсы да фарсы!

Тутъ прямо голова кругомъ пойдетъ у кого угодно.

Городишко маленький — стоитъ случиться двумъ-тремъ именинамъ, и театръ пустуетъ.

— Вчера очень мало публики въ театрѣ было.

— Да откуда ей быть! Вѣдь Петръ Ивановичъ именины справлялъ.

На второй день Рождества напимѣръ нельзя было поставить дневного спектакля, потому что г. М. былъ именинникъ.

А все-таки можно сдѣлать такъ, что и у насъ театръ будетъ полонъ. Необходимо заинтересовать толпу. Дайте ей народные спектакли и она повалитъ въ театръ. Театра у насъ нѣтъ. Играть приходится въ общественномъ собраніи и я не ошибусь, если скажу, что труппа работаетъ въ пользу этого собранія гораздо болѣе, чѣмъ въ свою. Во-первыхъ, антрепренеръ платитъ 240 р. въ мѣсяцъ за помѣщеніе, освѣщеніе и оркестръ. Вѣшалка и буфетъ клубные. Если сборъ хорошъ, то клубъ, помимо платы за помѣщеніе, получаетъ рублей 100 съ буфета и рублей 25 съ вѣшалки, между тѣмъ какъ труппа въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ разсчитывать на 200 руб. (полный сборъ 300 рублей). За все время полный сборъ былъ 2—3 раза.

Получая такіе доходы отъ труппы, что же собраніе даетъ ей? Декорация изъ рукъ вонъ плохи: на нѣкоторыхъ какъ нельзя болѣе была бы умѣстна надпись: «се левъ, а не собака». Сцена почти не отапливается. Въ уборныхъ холоды: въ мужской уборной нѣтъ даже печи и только послѣ усиленныхъ просьбъ, клубъ выдалъ обрывки войлока, которыми закрыли часть пола. Благодаря сильному холоду, трое изъ артистовъ серьезно заболѣли. На сценѣ грязь, нечистота. Часто половинна лампъ исчезаетъ куда-то съ кулисы, и спектакль проходить въ полумракѣ.

Закончу свою замѣтку слѣдующимъ положеніемъ: Общественное собраніе г. Троицка должно, или давать актерамъ плату ежегодную субсидію, или само играть роль антрепренера, жалованье актерамъ и взирая всѣ сборы въ свою пользу.

А. Киселевъ.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Репертуаръ опереточно-драматической труппы С. И. Крылова съ 28 ноября 1899 г. по 6 января 1900 г.: «Азкая любовь», «Невинно осужденный» и «Предложеніе», «Губернёръ» и 1 актъ изъ оп. «Корн. колокола», «Идиотъ», «Парижская жизнь» и «Хаджи-Муратъ», «Орфей въ аду», «Недоросль», «Новый міръ», «Самозувальцы», «Каширская старина», «Куколка», «Графъ-де-Ризооръ», «Изенль» и «Два медвѣдя въ одной берлогѣ», «Денежные тузы» и 1 актъ изъ оп. «Цыганскій баронъ», «Кинъ», «Славный тещинка» и «Лилия», «Птички пѣвчія» и «Зеленый островъ», «Разбойники» (отмѣнено), «Аскольдова могила», «Хижина дяди Тома», «За чужой грѣхъ» и «Отъ преступленія къ преступленію», «Донъ Жуанъ въ аду» и «Генрихъ Гейнс», «Новый міръ» (въ 4-й разъ), «Славный тещинка», «Нюбенъ», «Куколка» и маскарадъ въ ночь подъ 1 января, «Родственные души» и «Женская чепуха», «Преступленіе и наказаніе» (соч. А. Белло) и «Предложеніе», «Демонъ», «Девятый валъ» и 1 актъ изъ «Травіаты», «Велизарій». Въ послѣднемъ спектаклѣ въ заглавной роли долженъ выступить вновь приглашенный артистъ г. Омарскій. Всего съ 19 сентября по 1 января поставлено 75 спектаклей; сборы вполне удовлетворительные.

Г-жа Андросова по прежнему съ успѣхомъ выступаетъ въ главныхъ роляхъ всѣхъ драмъ, комедій, драмъ этюдовъ и даже водевилей, пріобрѣтаетъ все болшую и болшую любовь публики и благодарность антрепренера и режиссера. Только мы, рецензенты, не можемъ быть довольны такою «разносторонностью» премьерши драм. труппы и досаждемъ на нее даже тогда, когда она, пожалуй, «безъ вины виновата». Такъ, пишущій эти строки до того раасердился на нее за исполненіе

роли горничной въ опереткѣ «Парижская жизнь», что изъ-подъ пера его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вылилась полная желчи и гнѣва замѣтка (см. № 52 «Т. и Иск.»), въ которой онъ даже не отиѣтилъ смягчающихъ вину г-жи Андросовой обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что спектакль этотъ шелъ въ бенефисъ комика г. Туманскаго, который *упросилъ* любимицу публики «сдѣлать ему сборъ», а она по слабости характера и благодаря отсутствію директора театра В. А. Вагнера не сдумѣла отказать...

Дѣлаемый нами по отношенію къ г-жѣ Андросовой упрекъ почти всецѣло можно отвести также и къ *новому* режиссеру нашей драмы—г. Двинскому. Звѣздичъ отказался отъ режиссерства. Г. Двинскій — во многихъ роляхъ весьма пріятный исполнитель, также разбѣивается на мелочь, играя съ г-жей Андросовой даже такіе пустые водевили, какъ «Женская чепуха», фарсъ «Отъ преступленія къ преступленію» и др.

Къ концу сезона нѣкоторые спектакли и у насъ, при наличномъ составѣ труппы, стали проходить болѣе удовлетворительно, а оперетки даже и хорошо. Г-жа Лелина, лирическая пѣвица, стала играть нѣсколько лучше и гораздо оживленнѣе, чѣмъ прежде. Г-жа Славина попрежнему съ большимъ успѣхомъ исполняетъ свои каскадные партіи и шеголяетъ изящными и дорогими костюмами. Гг. Форесто и Чабанъ въ оставляютъ желать лучшихъ исполнителей на свои ампула.

Въ прошлыхъ моихъ корреспонденціяхъ мнѣ не пришлось упомянуть о г-жѣ Невѣровой, уже 4-й сезонъ подвизывающейся на нашей сценѣ, а между тѣмъ эта артистка является видной силой нашей драматической труппы и бываетъ очень хороша во многихъ роляхъ, особенно бытовыхъ и характерныхъ.

Г-жа Плевинская постоянно участвуетъ въ рѣдкихъ спектакляхъ мѣстнаго муз.-драм. кружка, имѣющаго свое собственное помѣщеніе, и заставляетъ сожалѣть о выходѣ своемъ изъ труппы С. И. Крылова, такъ какъ оказывается очень недурной артисткой съ благодарной вѣнностью и симпатичнымъ голосомъ. Приходится также жалѣть, что среди мѣстныхъ любителей драматического искусства нѣтъ ни одного болѣе или менѣе яркаго дарованія, а есть только 2—3 хорошихъ исполнителя ролей резонеровъ. Иначе спектакли любителей представляли бы гораздо болший интересъ.

На будущій зимній сезонъ новочеркасскій городской театръ вновь сдастъ антрепренеру С. И. Крылову, который уже заключилъ контрактъ съ г-жей Андросовой и г. Строевымъ и ведетъ дѣятельные переговоры со многими выдающимися артистами и артистками.

Матова.

НАРВА. Въ городскомъ театрѣ, по примѣру прежнихъ сезоновъ, играть по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ труппа г. Долинскаго, каждый разъ пріѣзжающая изъ Петербурга. Сезонъ открылся въ октябрѣ, даны были: «Правда хорошо—а счастье лучше», «Девятый валъ», «Игра въ любовь», «Лаконный кусочекъ», «Заза», «На законномъ основаніи», «Злоба дня», «Губернёръ», «Маскарадъ», «Богатырь въка», «Соколы и вороны», «Ни минуты покоя». На праздникахъ состоялись четыре спектакля: «Сорванецъ» и «Троглодитъ», «Закатъ», «За монастырской стѣной» и «Принцесса Греза». Въ спектакляхъ принимаютъ участіе г-жи Казбичъ, Пятава, Раевичъ, Голицына, Кирова, Стрѣлецкая, Погребова. Гг. Кальверъ, Микунинъ, Ландовъ, Михайловъ, Томинъ. Режиссеръ г. Муравьевъ, суфлеръ г. Нестеровскій. Недавно вступилъ въ труппу молодой артистъ г. Петипа, братъ извѣстнаго драмат. артиста М. М. Петипа. Въ пьесъ «За монастырской стѣной» выступила С. В. Корсакова. Ей же предназначена роль Настасіи Филипповны въ новой пьесѣ «Идиотъ». Г-жа Борги, дебютировавшая въ пьесѣ «Принцесса Греза», выступила не безъ успѣха, и несмотря на постановку пьесы во второй разъ (что здѣсь практикуется довольно рѣдко) «Греза» сдѣлала полный сборъ. Для будущихъ спектаклей намѣчены: «Идиотъ», «Донъ Жуанъ Австрійскій», «Ревизоръ» съ г. Петипа въ роли Хлестакова и г-жей Тинской въ роли Маріи Антоновны. Въ бенефисъ антрепренера лано будетъ «Горе отъ ума» съ г. Долинскимъ въ роли Чацкаго, выступившаго въ этомъ сезонѣ въ роляхъ: Бертрана въ «Принцессѣ Грефъ», Кастула — въ «Закатѣ» и Донато — «За монастырской стѣной». Спектакли вообще проходятъ съ ансамблемъ.

Мѣстное попечительство о народной трезвости намѣрено строить зимній театръ на 1000 чел., а въ Городскую управу поступило уже два заявленія объ отведеніи бесплатнаго мѣста для постройки лѣтняго общедоступнаго театра для мѣстныхъ обывателей и фабричнаго населенія. Всѣ эти предположенія и намѣренія весьма легко осуществимы, такъ какъ въ Нарвѣ насчитывается до 30 тысячъ жителей. Заявленія объ арендѣ на 10 лѣтъ лѣтнихъ народныхъ развлеченій и устройствъ общедоступнаго театра подано гг. Долинскимъ и Ивановымъ (?). Несомнѣнно, что всѣ шансы имѣетъ первый, сдумѣвшій создать здѣсь постоянные воскресные спектакли и вообще уже заявившій себя въ Нарвѣ умѣлымъ веденіемъ дѣла. Городскій театръ сдастъ управу г. Долинскому бесплатно еще на три года.

Театралъ.

ОРЕНБУРГЪ. Открытіе народнаго дома состоялось 25 декабря въ присутствіи губернатора, представителей правительственныхъ учрежденій и многочисленной интеллигентной и

«простой» публики. По окончаніи молебствія и освященія новаго, очень красиваго, здания народнаго дома, председатель уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости, П. А. Башкировъ, обратился къ присутствовавшимъ съ краткой рѣчью, послѣ которой торжество открытія закончилось народнымъ гимномъ. Въ тотъ же день министру финансовъ была послана телеграмма съ выраженіемъ благодарности за оказанное содѣйствіе въ дѣлѣ открытія и постройки народнаго дома. Спектакли (любительскіе) въ народномъ домѣ начались съ 26 декабря драмой Карпова «Житіе привольное», повторенной 28 декабря. До сихъ поръ сыграны слѣдующія пьесы: «Трудовой хлѣбъ», «Преступница», «Въ селѣ Знаменскомъ» (2 раза) и «Фофанъ» и пьютки «Медвѣдь» и «Школьная пара». Всѣ пьесы прошли съ успѣхомъ и любители награждены были шумными аплодисментами. Въ дни спектаклей народный домъ посѣщался публикою вполне исправно. Успѣху представлений немало способствовалъ оренбургскій казачій оркестръ подъ управленіемъ опытнаго капельмейстера.

Въ городскомъ театрѣ въ теченіи святокъ шелъ слѣдующій репертуаръ: «Велизарій», «Измаилъ» (2 раза), «Картушъ», «Огненная палата», «Тетка Чарлэя», «Заза», «Жена убійцы», «За королеву», «Демонъ», «Что имѣемъ — не хранимъ», «Кровь и золото» и «За чужой грѣхъ» (бенефисъ кассирши театра, г-жи Симоновой). Въ виду того, что на дневныхъ представленіяхъ («Медея», «По привеннику за рубль» и «Тяжкая доля») публика отсутствовала, утренній спектакль, назначенный 6 января («На порогъ великихъ событій»), былъ отмененъ. Несмотря на понятную усталость и переутомленіе, артисты относились къ дѣлу вполне добровольно. Сборы съ вечернихъ спектаклей были выше среднихъ.

Г-жа Чарова, весьма удачно копировавшая въ гастрольныхъ роляхъ своихъ извѣстныхъ артистокъ, оказалась однообразной и безцѣстной въ тѣхъ роляхъ, гдѣ отъ нея требовалась самостоятельность. Въмѣсто г. Печорина-Ландеръ, г. Грубинъ пригласилъ режиссеромъ г. Звѣздича.

11 января состоялся бенефисъ г-жи Вѣриной. Интересно бы знать, для кого понадеялся этотъ курьезный бенефисъ неопытной актрисы, на который публика явилась въ самомъ ограниченномъ количествѣ?

Театральный оркестръ, подъ управленіемъ опытнаго капельмейстера г. Лункевича, очень недуренъ, но репертуаръ исполняемыхъ имъ пьесъ крайне ограниченъ.

Въ вокзалѣ Бѣлова, на берегу р. Урала, съ января мѣсяца подвизается интернаціональная капелла г. Лаврова съ «пансонетными» пѣвцами, «любимцами Кавказа» и «танцъ-комикъ-буфами».

ДВИНСКЪ. Сборы въ началѣ жалкіе, постепенно поправляются. Вотъ какіе, напримѣръ, были сборы въ началѣ. 12-го октября «Безъ вины виноваты» 46 р. 94 к., «Счастливецъ» 95 р. 75 к., «Рабы золота», въ бенефисъ трагика П. А. Коренева, 48 р. 93 к.

Съ ноября дѣла стали улучшаться, и жилованье актерамъ передъ Рождествомъ Христовымъ вмѣсто 26 всѣмъ было выдано 20. Затѣмъ дѣла снова пошатнулись. Такъ, напримѣръ, «Коварство и любовь» дало сбору 59 р. 86 к. Слѣдующій очередной спектакль былъ отмененъ. Самые лучшіе сборы съ открытія сезона и по настоящее время слѣдующіе: «Дочь вѣка» 222 р. 46 к., «Цыганка Занда» 186 р. 67 к., «Джентльменъ» 123 р. 12 к., «Грова» 195 р. 20 к. и т. д. *М. И.*

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ съ 24-го по 31-е января 1900 года.

Александринскій театръ.—24-го января: «Каширская старина»,—25-го «Накипь»,—26-го «Девятый валъ»,—27-го «Закалъ»,—28-го «Идиотъ»,—30-го утр. «Недоросль», веч. «Холостякъ», «Завтракъ у предводителя».

Михайловскій театръ. 24-го января. «Cyrano de Bergerac»,—25-го «Le Faubourg»,—26-го «Cyrano de Bergerac»,—27-го «Le Faubourg»,—28-го «Больные люди», «Адвокатъ Пателентъ»,—29-го «La dot de Brigitte»,—30-го «La dot de Brigitte».

Мариинскій театръ. 24-го января: «Травиата»,—25-го «Гугеноты»,—26-го «Карменъ»,—27-го «Аида»,—28-го «Тристанъ и Изольда»,—30-го утр. «Демонъ», веч. «Эсмеральда».

Справочный отдѣлъ.

Актеръ *Д. С. Семченко* съ бібліотекою свободенъ лѣто и зиму. Адресъ: Н.-Новгородъ, Петропавловская ул., д. Коршиковой, для Семченко.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

ВЫПУСКИ I и II

РОСКОШНО-ПЛЮСТРИРОВАННАГО АЛЬБОМА

„НАШИ АРТИСТКИ“

Кратко-біографическіе очерки Ю. Д. Бѣляева.

Вып. I. В. Ф. Коммиссаржевская. Изд. 2-е.

Вып. II. Л. Б. Яворская.

Цѣна каждого выпуска по 1 р.

Книгопродавецъ обычная уступка.

Надanie Спб. Товарищества Печатнаго и Издательскаго Дѣла „ТРУДЪ“. Складъ изданія: Фонтанка, 86, при Типографіи Товарищества.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу выпускъ I
РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ДВУДЕЯНАГО ИЗДАНІЯ

М. Г. САВИНА.

Біографическій очеркъ В. Протопопова съ характеристиками Д. В. Аверкіева, П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, П. П. Гнѣдича, А. А. Потѣхина

ВЪ ТРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ.

Цѣна I выпуска на слоновой бум. 1 р. 50 к., на мѣловой бум. 2 р. 50 к.

Второй выпускъ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ Января, третій приготовленъ къ печати и появится въ серединѣ Февраля.

Получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“.

Желающіе подписаться на всѣ 3 выпуска по цѣнѣ: на слоновой бум. 3 р. 50 к., на мѣловой—6 руб. (последніе печатаются въ ограниченномъ количествѣ) обращаются исключительно въ складъ изданія:

СПБ. Товарищество „Трудъ“, Фонтанка, 86.

ОДАЕТСЯ ВЪ АРЕНДУ

ОМСКІЙ ТЕАТРЪ-ЦИРКЪ

съ 6-го Мая текущаго года. Театръ помѣщаетъ по обыкнов. цѣнамъ 650, по возвышеннымъ болѣе тысячи рублей. При театрѣ имѣются декорации, мебель, бутафорія. Желательно имѣть на Май и Іюнь малороссовъ, Іюль и Августъ оперетку или наоборотъ, на зиму драму и водевилъ съ цѣніемъ. Адресоваться: Омскъ, Мокринскій форштадтъ, 1-й вавозъ, домъ Попова, къ владѣльцу адавія Петру Коаьмичу Сичкареву.

№ 1270 (2-1).

Косметическіе спермацетовые личные утиральники косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, вѣжкою и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 кол. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.

Для предупрежденія огъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2. (г.)

ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦИИ „ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

продаются слѣдующія изданія журнала.

„Баба“, др. въ 5 д. кн. Голицына (Муравлина) и Старцова, ц. 1 р. 50 к.
„Биронъ“, историческая к.м. въ 5 д. Н. А. Борисова, ц. 1 р. 50 к. „Водоворотъ“, драма въ 4 дѣйст. В. Г. Авсѣенко, ц. 1 р. 50 к. „Возчикъ Геншель“, др. въ 4 д. Г. Гаутмана пер. В. Протопопова и Н. Леонарда, ц. 1 р. 50 к. „Волшебная сказка“, пьеса въ 4 д. И. Погапенко, ц. 2 р. „Влюбленная“, пьеса въ 4 дѣйст. Марко Прага, ц. 1 р. 50 к. „Въ деревнѣ“, пьеса въ 4 дѣйст. К. Фоломѣева, ц. 1 р. 50 к. „Глухая стѣна“, др. въ 5 д. О. Шанирь, ц. 1 р. 50 к. „Графъ де-Ри-зооръ“, драма въ 5 д. В. Сарду пер. Н. А. Арбенина, ц. 1 р. 25 к. „Девятый валъ“, др. въ 4 д. С. Смирновой, ц. 2 р. „Джентельменъ“, ком. въ 4 д. А. И. Сумбатова. „Друзья“, драма въ 3 д. Дж. Роветта пер. И. А. Гриневской, ц. 1 р. 50 к. „Задача № 1371“, шутка въ 1 д. В. Н. Карпинской, ц. 60 к. „Заза“, пьеса въ 5 д. Пьера Вертона и Шарля Симона, перев. Θ. Латернера, ц. 2 р. „Закать“, очерки въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова, ц. 2 р. „За королеву“, др. Дюма въ 5 д. пер. К. Войенского и П. Мердера, ц. 2 р. „Злой духъ“, ком. шутка въ 3 д. В. В. Вилибина, ц. 1 р. 50 к. „Золотая Ева“, ком. въ 3 д. Шен-танъ, ц. 1 р. 50 к. „Исторія одного увлеченія“, пьеса въ 4 д. Г. Радзивиловича, ц. 1 р. 50 к. „Казнь“, др. въ 5 д. Г. Г. Ге, ц. 1 р. 50 к. „Катастрофа“, др. въ 4 д. Будищева-Федорова, ц. 1 р. 50 к. „Лизистрата“, пьеса въ 3 д. по Аристофану, Латернера, ц. 1 р. 50 к. „Максимъ Сумбуловъ“, истор. драма въ 5 д. и 6 карт., ц. 1 р. 50 к. „Марияна Ведель“, ком. въ 5 д., ц. 2 р. „Между дѣломъ“, драма въ 2 д. Роветта, ц. 1 р. „Монсикъ“, шутка въ 1 д. Б. Венг-вина, ц. 60 к. „Мужъ г-жи Шамбургской“, ком. въ 2 д. А. А. Беряникова, ц. 1 р. „Наканувъ“, шутка въ 1 д. А. Плещеева, ц. 60 к. „Накипь“, ком. въ 4 д. А. Д. Боборыкина, ц. 1 р. „На ловъ природы“, ком. въ 1 д. И. Потапенко, ц. 60 к. „На старой мельницѣ“, др. въ 3 д. А. Вебера пер. Я. С. ц. 1 р. 50 к. „Невидимая сила“, шутка въ 1 д. В. Вилибина, ц. 60 к. „Ночью“, шутка въ 1 д. соч. Немворова, ц. 60 к. „Нѣтъ худа безъ добра“, шутка въ 1 д. Палье-рона, ц. 60 к. „Облачко“, ком. въ 1 д. Беряникова, ц. 60 к. „Одинока“, др. въ 3 д. Агреля, ц. 1 р. 50 к. „Отцы“, ком. въ 1 д. К. Баранцевича, ц. 60 к. „Письмо“, драмат. этюдъ въ 1 д. И. А. Гриневской, ц. 60 к. „Послѣдній гость“, этюдъ въ 1 д. съ вѣм. Я. Дельера, ц. 60 к. „Повѣхала кума—певѣдомо куда“, монологъ—пантомима Я. Дельера, ц. 60 к. „Пьеса для развѣзда“, шутка въ 1 д. И. А. Гриневской, ц. 60 к. „Родственный погромъ“, ком. въ 1 д. В. Пис-нячевскаго, ц. 1 р. 50 к. „Роковой дебютъ“, шутка въ 1 д. П. Д. Л., ц. 60 к. „Сирано де-Бержеракъ“, ком. въ 5 д. Эд. Ростана пер. А. М. Ѳадорова, ц. 1 р. 50 к. „Сонъ осенняго вечера“, драма въ 1 д. Г. д'Азуаціо, ц. 60 к. „Спиритизмъ“, пьеса въ 3 д. Сарду, пер. Лухмановой, ц. 1 р. 50 к. „Сплетня“, др. въ 4 д., перед. Верховской, ц. 1 р. 50 к. „Страницка романа“, сцена Л. Берни-кова, ц. 60 к. „Трильби“, др. въ 5 д. Г. Г. Ге, ц. 1 р. 50 к. „Урокъ деклама-ціи“, шутка въ 1 д. М. Говалевскаго, ц. 60 к. „Урокъ танцевъ“, сцена въ 1 д. И. А. Григевской, ц. 60 к. „Юность“, Макса Гальбе пер. Нанни, ц. 1 р. 50 к. „Три выпуска словаря сценическихъ дѣятелей“.

Выписывающимъ на сумму не менѣе 5 руб. дѣлается скидка въ раз-мѣрѣ 30%, на сумму не менѣе 10 руб.—40%. Пересылка на счетъ конторы.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни,
В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича Ленни.

МАССА НОВИНОКЪ.

НОВЫЯ ПЬЕСЫ.

НОВАЯ ОБСТАНОВКА.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

К. Шапиро.

Фотографъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ В. К. Владиміра Александровича, В. К. Маріи Павловны и фотографъ Императорской Академіи Художествъ, снимаетъ ежедневно по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

12 кабинетн., прежде 10 руб., теперь 6 руб., эмалиров. 8 руб.

12 америк., прежде 20 и 15 руб., теперь 10 руб., эмалиров. 12 руб.

12 будуарныхъ, прежде 30 и 25 р., теперь 15 р.

Съ особенною любовью снимаю дѣтей.

Также убавлены цѣны съ большихъ портретовъ и группъ. Единств. фотогр. Бол. Морская, 12, ул. Невскаго.

№ 1266 (50—2)

Черниговская городская Управа

ПРЕДЛАГАЕТЪ СНЯТЬ

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

въ пользованіе на сезонъ 1900—1901 гг. Срокъ подачи заявленій до 15 Апрѣля. Краткія условія высылаются почтою.

№ 1269 (3—1).

ПОЛНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО:

Библіотека, декораціи и костюмы для драмъ, комедій и феерій отдаю на прокатъ и продаю. Предлагаю свои услуги какъ администраторъ и режиссеръ для народныхъ и общедоступныхъ театровъ съ имуществомъ и безъ оного.

Адресъ: Москва, домъ Фальцъ-Фейнъ, № 22. Павлу Ананьевичу Соколову-Жамсонъ или Бюро Русскаго Театральнаго Общества. № 1238 (2—1).

„ДОРОГОЙ ЦѢНОЮ“

Драма въ 4-хъ д. и 5-ти карт.

А. ДЮМА

пер. Е. Вильянской. Цѣна комплекта пьесы съ ролями (лит. изд.)—2 р. 50 к. Театральн. библ. Волкова-Семенова, Троицкій 10.

№ 1268 (4—2).